

МАРИНА ИНДИВИ

СОБСТВЕННОСТЬ
ВЕРХОВНОГО
БЕСТИАРА

Марина Индиви

**Собственность
Верховного бестиара**

«Литнет»

2023

Индивиди М.

Собственность Верховного бестиара / М. Индивиди — «Литнет»,
2023

Бестиары защищают наш мир от чудовищ Бездны. На подконтрольной им территории им принадлежит все. Даже мы, обычные люди Лазовии, наделенные минусовой магической искрой. Когда погибает Верховный бестиар, на смену ему приходит сильнейший. Случайность - и новый сильнейший пожелал видеть меня своей. Одно его слово - и тот, кто дарил мне помолвочный браслет, от меня отказался. Теперь под угрозой не только мое обучение в Академии, но и вся моя жизнь. Первая книга завершенной дилогии. Вторая книга здесь: Предупреждение: в книге есть сцены жестокости и насилия (не между главными героями).

© Индивиди М., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1

Алина

— Алина! Алина! — Марика дернула меня за руку раньше, чем вся толпа студизусов хлынула к окнам, выходящим на главную площадь академии. Только благодаря расторопности подруги я и успела одной из первых. — Смотри! Это же племянник Верховного бестиара!

Мужчина, который шел через площадь, притягивал к себе взгляды, словно на магическом аркане первого уровня. Несмотря на то, что он был достаточно молод, назвать его парнем просто не поворачивался язык.

— Красавчик! — выдохнула какая-то из студизусов справа.

Надо отдать ему должное, он в самом деле обладал выдающейся внешностью, а еще характерными чертами бестиаров — темные, иссиня-черные волосы и такие же темные глаза. Это я поняла, когда, пересекая двор, мужчина неожиданно вскинул голову и встретился со мной взглядом. Меня словно ошпарило: взгляд бестиара — благословение и проклятие. Проклятие — потому что его взгляд впитал прорыв самой Бездны, и, глядя в эти глаза, кажется, что смотришь именно в Бездну. Благословение, потому что бестиары защищают наш мир от чудовищ, что рвутся сквозь раны пространства по всей земле.

Отойти от окна уже не представлялось возможным: сзади напирали студизусы. Кажется, в коридор, чтобы поглазеть на племянника Верховного бестиара сбежалась вся академия. Первой же отвести взгляд — значило нанести ему серьезное оскорбление. Бездна в его глазах бесновалась, словно все поверженные им чудовища разом проснулись в его крови. Да, это даже не образное выражение: убивая монстра, бестиар выпитывает часть его сути и в какой-то мере становится им. Я же едва дышала, пока в иссиня-черной радужке плавилась сильнейшая магия нашего мира, умноженная на силу тех, чья кровь обагрила лезвия его хтианов.

Хтианами называли длинные тонкие мечи, больше напоминающие растянутые кинжалы, и сейчас они застыли молчаливыми убийцами за его спиной. С оружием бестиары не расставались никогда, и если на территории академии носить оружие позволялось только гардианам, то для него сделали исключение. Или это он сам — исключение? Ведь бестиары не снисходили до посещения людских обучающих заведений. Да и что ему здесь делать? Среди нас, слабеньких студизусов с минусовой магией?

Все эти мысли проносятся в моей голове в один миг, а потом бестиар отворачивается, поднимается по ступенькам и скрывается в арке вместе с толпой встречающих его во главе с ректором.

Спектакль окончен, а у меня сердце бьется в желудке и дышать до сих пор сложно, будто я выпитала всех уничтоженных им чудовищ, как он сам. Из состояния шока меня выдерживает Марика, подруга пихает меня в бок и говорит:

— Как думаешь, на кого он смотрел?

— Он на кого-то смотрел? — я делаю вид, что ничего не понимаю. Не хватало еще, чтобы об этом кто-то узнал!

К счастью, Марика недовольно вздыхает:

— Он смотрел в нашу сторону! Точно на кого-то, кто стоял в двух ближайших арках, — и она начинает оглядываться, будто это поможет ей побыстрее вычислить счастливицу. Толпа уже растекается по рукавам коридоров, студизусы группами вливаются каждый в свое русло: кому-то сегодня еще на отработку, кому-то на пропущенную практику в виду близости экзаменов. Взволнованный шепот, возбужденные голоса, шум становятся все тише, тише и тише.

— А вот куда смотрела ты, непонятно, — обиженно сообщает подруга. — Да что там! Тебя только твой Юрал и интересуется!

— Что совершенно неудивительно, поскольку я собираюсь за него замуж, — с улыбкой сообщаю я.

Сумка на длинных ручках: холщовая, оттягивает мне плечо, и я снимаю ее, чтобы не перекосябиться окончательно. В ней сегодня четыре учебника и пять баночек с ингредиентами для зелий, пять тетрадок и один общий блокнот успеваемости, что вкупе создает такой приличный вес.

— Собирается она, — недовольно ворчит подруга.

У нее волосы как растопленный шоколад, длинные и густые настолько, что ее мать заплетает их в тугую косу и закручивает вокруг головы, чтобы было удобно. Со мной все проще: у меня две пшеничные косы до талии, и когда я их расплетаю, им не грозит расстелиться по земле.

— Собираюсь, — подтверждаю я уже веселее. — Просто не сейчас. А он готов ждать.

— Готов ждать-готов ждать. Эх, наивная ты, Алинка. Мужики — они же всегда присвоить хотят, — машет рукой подруга. — Ну, пойдем что ли. Урожай, он, знаешь ли, к осени сам не появится. Сажать сейчас надо.

Марика попала в академию, потому что в сельской школе обратили внимание на интенсивность и цвет ее минусовой искры. Минусовой магией обладают люди, она достаточно слабая и пригодна в основе своей для земледелия, всяких бытовых работ, простейшего исцеления и выравнивания эмоционального фона. Так вот, зеленая искра четвертого уровня Марики — это как раз об удачной посадке и неизменном созревании урожая в срок. Ее талант дает ей право обучаться в академии и обязанность после учебы работать в поле.

Мой дар — сиреневая искра пятого уровня, это про эмоциональное исцеление. То есть управлять настроением человека: подавлять или наоборот возносить до небывалых высот, как это делают бестиары, я не могу. Зато могу чуть-чуть выровнять эмоции и поддержать энергетически тех, кто, например, очень устал. Чтобы они могли дольше работать. Поэтому в полях я тоже незаменимый человек, и, хотя моя смена начинается на два часа позже, я все равно иду по просторному светлому коридору вместе с подругой. Мы спускаемся по лестнице, ведущей к дальнему входу, когда снизу доносится громкий шепот:

— Алина!

Чтобы увидеть неожиданного визитера, мне приходится перегнуться через лестницу. Кто бы сомневался!

Это Юрал.

Он уже третий раз пробирается ко мне в академию, и если в первый я была изумлена и восхищена, во второй мне было очень приятно, то сейчас в груди горящей занозой вспыхивает тревога. Я слетаю под лестницу так быстро, что Марика остается позади.

— Зачем ты пришел? — спрашиваю едва различимым шепотом.

— Как — зачем? — широко улыбается он. — Тебя увидеть.

Он снова переодет в форму садовника, которую выкупает у него на час-другой. Рыжие вихры горят огнем, веснушки на лице — как россыпь песчинок. Глаза голубые-голубые, как высокое летнее небо. Его внешность, невероятно солнечная, теплая — предмет бесконечных шуток Марики. Вот и сейчас, остановившись за нашими спинами, она не стесняется сообщить:

— Вашими детьми дорожки ночью освещать можно будет.

Юрал улыбается еще шире, а я киваю в сторону распахнутых дверей:

— Тебе нельзя здесь находиться, ты же знаешь?

На территорию академии действительно пускают только студизусов, преподавателей, гардианов — по особым поручениям, и работников: коменданта, экономку, повара и его помощников, лекаря, садовника, горничных, ответственных за работу в полях.

— Ты не очень-то рада меня видеть? — мигом хмурится парень.

— Я всегда тебе рада.

— Но не сегодня?

— Сегодня в академии бестиар. Здесь гардианы. Что, если тебя кто-нибудь узнает?

— О, так ты за меня волнуешься, — мигом снова расплывается в улыбке парень, а у меня теплеет на сердце.

Вот правда, и чего я так завелась?

Вот только заноза никуда не исчезает, ворочается в сердце, жжется.

— Давайте все-таки выйдем, — беру его за руку, но, опомнившись, тут же отпускаю. — Встретимся у леса. Там нейтральные земли.

Юрал выглядит не очень довольным, но согласно кивает и первым идет к дверям. Мы с Марикой следуем за ним на приличном расстоянии, и подруга пихает меня локтем в бок.

— Ну, что я говорила? Этот парень готов ради тебя на подвиги.

— Ты говорила, что мужчины — собственники. Что им важно присвоить. Или что-то подобное.

— Так это сегодня, — смеется Марика. — А до этого я говорила, что он наделает тебе солнышек, как только поженитесь.

Мы выходим на залитое солнцем крыльцо, и мои щеки вспыхивают то ли от коснувшегося кожи тепла, то ли от слов подруги. Я все-таки считаю, что от второго, и по ощущениям, они сейчас полыхают как маяки. Да, за словом она в карман не полезет, а еще совершенно не думает о том, что может поставить кого-то в неловкое положение. Возможно, потому что для Марики неловких положений просто не существует. Она может сказать что угодно, когда угодно и кому угодно. При этом не только не смущаясь, но еще и наслаждаясь произведенным эффектом.

Буквально в ста шагах от здания академии дорога расходится. Одна ведет к полям, другая вдоль леса в город. До столицы здесь пара часов езды на обычной повозке, и чуть меньше часа — на магической. Вот только на магической я никогда не каталась, да и никто из знакомых мне не катался. Они исключительно для бестиаров и их окружения.

Мыслями снова возвращаюсь к тому взгляду, и даже весенняя жара отступает, словно я погружаюсь в студеное озеро с головой.

Да что же за наваждение-то такое, а?!

— Ладно, до встречи, подруга, — Марика машет мне рукой и направляется в сторону работающих, а я — к лесу.

Волочить сумку по земле гораздо проще, чем на себе, поэтому я ее просто тащу за собой, поднимая разогретую солнцем пыль и наслаждаюсь жужжанием пчел и шмелей, перелетающих от цветка к цветку. В этом году весна ранняя, очень теплая, цветение уже повсюду: в траве покачиваются пушистые шапки одуванчиков и яркие колокольчики, от яблонь и вишни доносятся умопомрачительные ароматы. Ветер уже по-летнему шумит листвой, срывает лепестки, и даже знакомая примета: сирень зацветет — к холодам, этой весной не работает. Я ненадолго останавливаюсь, чтобы коснуться кончиками пальцев ярких соцветий, перебираю их, и неожиданно замираю.

Пять лепестков!

Говорят, это к счастью. А если загадать желание и съесть необычную сирень — обязательно исполнится. Вот только я настолько счастливая, что даже не представляю, о чем мечтать? Любимый мужчина у меня есть, есть возможность даже учиться в академии и кормить брата с сестрой и отца. Вот если бы можно было вернуть маму... Отгоняю коснувшуюся сердца грусть, быстро, пока никто не видит, срываю цветочек и съедаю его, крепко зажмурившись.

«Пусть моя любовь длится вечно».

Может, это звучит глупо, но я не хочу однажды потерять Юрала, или чтобы он потерял меня. Хочу, чтобы наши дети были счастливы, чтобы мы были счастливы.

С этой мыслью я ускоряю шаг, и он уже машет мне из-за дерева неподалеку. Укоризненно качает головой, перехватывает сумку и легко вешает на плечо.

— Что ж сразу-то не отдала, Алинка?

— Сумку? Садовнику?

— Да не переживай. Сейчас все только бестиаром и заняты, — Юрал махнул рукой. Мы все дальше углублялись в лес, и мне иногда приходилось приподнимать подол серого форменного платья, чтобы перешагнуть через корягу. — Бестиаром, и тем, зачем он прибыл.

От неожиданности я даже остановилась:

— Так ты знал?!

— Не я. Садовник. Он даже отказывался мне форму давать, но я заплатил втрое больше. Батя озверевает, конечно, если узнает... но он не узнает.

Я только головой покачала.

— А что тогда сразу не сказал?

— При Марике-то? Не хочу, чтобы в поле вся работа встала. Сама знаешь, какая твоя подруга языкатая.

Я легонько ударила его в плечо.

— Моя подруга! — напомнила.

— Только не говори, что ты со мной не согласна. У нее же на языке вообще ничего не держится, а тем более такое.

— Такое — это что?

— В вашей академии зафиксировали нулевика.

Теперь я не просто замерла, а, кажется, вросла в землю.

Вся магия в мире делится на три вида: минусовая (это наша, человеческая), плюсовая — это мощь магии бестиаров во всех ее проявлениях, и нулевая. Нулевая считается преступной, то есть сам факт владения ею — верная смерть. Потому что эта магическая искра помимо воли того, кто ей наделен, способна раскрывать пространство, позволяя Бездне и ее тварям проникать в наш мир. Человек, чья сила перешла в нулевую, превращается в одержимого, сходит с ума, зачастую в считанные дни. Его единственной целью становится служение Бездне, сквозь его тело проходит сила, рвущая ткань нашего мира.

Нулевая магия возникает как аномалия из минусовой, как это происходит — никто не знает. Известно только то, что когда такое случается, появляется бестиар, и...

По коже потянуло холодом, когда я поняла, зачем он пришел.

Я представила себе одного из студизусов или, возможно, преподавателя... а может быть, кого-то из работающих в поле. Представила, как над ними мелькают смертоносные лезвия хтианов. Одно движение — и все. Нулевики казнят на месте, как угрозу высшего уровня. Любое промедление несет в себе опасность для места, где он находится, и для всех, кто живет в ближайших окрестностях.

— Ну вот. И тебе не надо было рассказывать! Побелела вся! — воскликнул Юрал.

Подхватил меня за локоть:

— Пойдем к речке! Там посвежее будет. Посидим, отдохнем.

До реки здесь было недалеко, а у нее и впрямь стало гораздо прохладнее. Хотя, возможно, дело было еще и в кронах деревьев, куполами смыкающихся над нашими головами, сплетающихся мощными ветвями и создающими спасительную тень.

Юрал быстро стянул камзол, со словами:

— Садись, я вот нам еще покушать принес, — протянул мне вытащенный из кармана сверток и расстелил камзол на земле.

Я едва успела почувствовать ароматный запах выпечки, пробивающийся через пропитавшуюся жиром и сладостью бумагу, когда услышала треск. Шелест. Стук копыт.

Мы с Юралом обернулись одновременно, и увидели шестерых всадников.

Возглавлял которых наш новый Верховный бестиар.

Глава 2

Богдан

Богдан ненавидел встречи с нулевиками. Возможно потому, что с детства обученный убивать, он так к этому и не привык. Отец считал это слабостью — да и как не считать, когда мир может рухнуть под угрозой вторжения Бездны, но он считал по-другому. Считал чужую жизнь ценностью, пусть даже это жизнь того, кто способен порвать пространство, из раны которого на земли Лазовии обрушатся полчища тварей.

Отец считал, что допустил ошибку, когда позволил жене воспитывать его до пяти лет. В семьях бестиаров мальчишек от матери отлучали сразу же, при рождении. Но отец слишком ее любил, поэтому «потакал ее слабостям» и «позволил зародить в сыне сомнения». Он очень изменился после ее смерти. Хотя сам Богдан смутно помнил отца до маминой гибели, служанки шептались. Рассказывали, как была добра и при этом смела госпожа, каким светлым был господин рядом с ней.

Светлым, несмотря на побежденные полчища Бездны.

Отец был сильнейшим, но именно из-за матери отказался от звания Верховного. Не захотел ехать в столицу, потому что не хотел терять ни одной лишней секунды, которые мог провести в ее обществе. Несмотря на то, что Богдан действительно мало что помнил, он помнил любовь. Он ее чувствовал, впитал на уровне инстинктов. Он помнил свет матери и сильные руки отца. Он помнил, как они были семьей.

Потом... потом мать отравили.

Влюбленная в отца дура-служанка, которую тот приказал забить камнями. Вместе с матерью в нем умерла не только любовь. Вместе с матерью умерла и его человечность.

— Кавальер Велимирский! Сюда, пожалуйста!

Ректор кланялся так низко, что, казалось, вот-вот пробьет лбом пол. Про всех остальных и говорить нечего: они не поднимали глаз. К бегающим взглядам Богдан привык, как и к заискиванию, как и к преувеличенному почтению, за которым прячется страх. А вот к прямому, быющему навыворот столкновению с девчонкой, прилипшей к окну, оказался не готов.

Женщин в его жизни было много, если не сказать больше, к двадцати пяти годам он попробовал почти все из того, что принято именовать плотскими утехами. Женское внимание стало обыденностью, ухищрения, изощренные ласки, все, на что они шли, чтобы задержаться в постели бестиара на подольше — тоже. Но эта... эта девочка смотрела иначе.

Не таясь, без наносного кокетства. Открыто и искренне, и удивительно, невыносимо светло. Глаза у нее были зеленые, колдовские, затягивающие. Он сам почти утонул в них, но это не было наваждением. Скорее, забытой легкостью из детства, когда в жаркий полуденный зной окунаешься в прозрачную на мелководье реку или в лесное озеро.

Короткое, ослепительно яркое ощущение пришло — и ушло.

Но сейчас, шагая среди суесящихся сопровождающих, Богдан не мог забыть ее взгляд. Эти глаза.

Он не мог забыть ее.

Впрочем, образ девушки стерся, стоило ему шагнуть из бесконечного, как казалось, изрезанного окнами коридора, на лестницу. Дверь перед ним открыли с поклоном: угрюмый старик, увешанный ключами, как деревенская лекарка пучками трав. Ступени уводили вниз, под землю. Богдан замечал, как ежятся шагающие за ним, как переглядываются, пугливо — и отнюдь не только из-за него. Никто не хотел приближаться к нулевiku. Никто не хотел смотреть на казнь.

Но обстоятельства требовали и сопровождения — по этикету, и присутствия в качестве свидетелей. Поэтому люди упрямо шагали вниз, в зыбкое марево чадающих факелов, которые, впрочем, не спасали от сырости и холода, пропитавших стены. Внизу расстился небольшой каменный ковер площадки, от которого расходились два рукава.

— Здесь у нас погреба, кавальер, — пробормотал ректор, указывая направо, — в них держим провизию. В другую сторону... Здесь камеры-с. Для... как раз для таких случаев. Но у нас их не то чтобы много, а скорее...

— Я знаю, что в вашей академии такое в первый раз, — коротко перебил Богдан и протянул руку ладонью вверх.

Потому что позаимствовавшая у старика ключ дама, с головы до пят затянутая в черное платье с таким тесным воротником, что ее лицо было красным, замялась. Заметив его жест, она побелела, но ключ отдала беспрекословно. Замок на тяжелой металлической двери был с артефактной защитой. Он почувствовал ее до того, как вставил ключ. Еще до того, как увидел пронизывающие камень и металл линии. Любого, кто попытается сюда войти без разрешения и без зачарованного ключа, обожжет по локоть. Сделает калекой.

Ему не составило бы труда взломать эту защиту, но плюсовая магия бестиаров в разы сильнее человеческой.

— Имя. Возраст. Как это произошло. Какая стадия, — коротко произнес Богдан, поворачивая ключ.

— Милен Норовской, — тут же откликнулся ректор. Перебивая его, дверь оглушающе закричала, когда Богдан ее толкнул. — Восемнадцать лет. Учился, учился хорошо, а тут вдруг вечером в лазарет спустился, с головной болью. Сказал, мол, нехорошо себя чувствую.

Впереди текла черная река коридора: свет ближайших факелов выхватывал лишь первый десяток шагов, и Богдан вскинул руку. Вспыхнувший над ладонью шар света оказался слишком ярким, и люди зажмурились.

— Что дальше? — Он первым шагнул в коридор.

— Дальше... ну смотреть его стал наш лекарь. Вроде нормально все было, а с утра боль усилилась, вот и решил взять артефакт замера: обычно от переизбытка магии такое бывает. Глянь, а у него в ноль все ушло, ну он скорее нам сообщать. А мы сразу же вас пригласили. Знаете ведь, счет идет на секунды в такие мгновенья...

— Стадия, — перебил его Богдан, останавливаясь перед очередной металлической дверью.

— Ключ тот же, — подсказала дама в черном платье.

— Стадия... ну-с, думаю, третья.

— Думаете?

— Так мы ж... э-э-э... его не замеряли больше. Был на второй, а как сюда час назад спустили, так и на этом все. Без вас решили не трогать, чтобы опасности не подвергать.

В лазарет спустился вечером, сюда попал час назад, и всего вторая стадия. Медленное развитие, потенциальная опасность — низкая. Богдан отмечал эти мысли равнодушно, отпирая дверь. Беловый световик сорвался с его руки и завис, освещая каменный мешок, в котором они оказались. Исчерченный рунами: эти руны наносил бестиар, только бестиар способен создать защиту, которая до восьмого-девятого уровня сдерживает нулевую магию.

Парень лежал у стены, свернувшись калачиком. На шаги и голоса даже не повернулся, и все застыли в дверях, словно не зная, чего ждать.

Все, кроме него.

Богдан шагнул в камеру, быстро приближаясь к нулевику. Еще до того, как опуститься рядом с ним и перевернуть за холодное плечо на спину, он знал, что увидит. Зрение бестиара показывало остаточное угасание нулевой магии. Рвано дергались последние черные нити ауры, которые при дальнейшем развитии могли бы открыть врата Бездны.

Сейчас же они искрили, как неисправный артефакт. Бились, рвались и таяли.

Нулевик смотрел на него широко распахнутыми глазами, на губах застыла пена, в скрюченных пальцах — крохотный пузырек с настоем беладонны.

Парень был мертв.

Алина

Юрал замер, как был — рядом со мной. Да и было отчего: сила Верховного бестиара накрыла берег, как грозовая туча под порывами ветра небо. Быстро, неотвратно. Неумолимо.

Михаил Велимирский вступил в должность меньше недели назад, еще до того, как столица сняла траур по предыдущему Верховному. Этот мужчина словно весь состоял из квадратов и резких углов: массивный и при этом подтянутый, широкоплечий, с острыми лезвиями скул и жесткой линией подбородка. Темные, коротко подстриженные волосы даже не мог подхватить ветер, а впрочем, и сам ветер утихомирился при его появлении вмиг.

Жеребец, чьи поводья он натянул, всхрапнул и остановился, как вкопанный. Черный, как ночь — если бы не шпоры, он бы слился с хозяином. Ни единого пятнышка, только глаза сверкают янтарем, и эту породу ни с какой другой не спутаешь. Хьердаррских амазинов отличали как раз глаза и тонкие на первый взгляд полосы чешуи под гривой — справа и слева, и на боках. Эти лошади единственные были приспособлены ко встрече с тварями Бездны.

Михаила сопровождали пятеро всадников — звезда бестиара. Так называют боевое построение, которое создается при любом прорыве. Среди бестиаров есть ведущие, а есть ведомые. Бессменные спутники, которые со своим ведущим всегда, в боях и в поездках. Если посмотреть сверху, их расстановка выглядит как звезда, даже в движении. Отсюда и название. Вот и сейчас Михаил в центре, в самом ее сердце, но, вскинув руку, он разрешает построению распастся и выезжает вперед.

— Почему не в полях? — спрашивает Юрала, а смотрит на меня. Я сегодня уже «поймала» взгляд бестиара, но этот иной. Он смотрит на меня так, как бестиары обычно рассматривают людей: как вещь, словно прикидывая, есть ли от нас какая-то польза.

Юрал открывает рот, но тут же его закрывает, он словно язык проглотил.

— Ты немой? — резко интересуется один из спутников Михаила, статный блондин. — Отвечай, когда с тобой разговаривает Верховный!

Вместо ответа Юрал бледнеет еще сильнее, и мне не остается ничего иного, кроме как произнести:

— Моя смена начнется позже, мы просто хотели вместе пообедать...

— Закрой рот, девка! — осаживает меня все тот же блондин, но Михаил вновь вскидывает руку.

Чуть трогает бока жеребца, подъезжает к нам ближе, вплотную. От него и до этого на берегу словно тень легла, сейчас же я буквально оказываюсь в тени. Возвышаясь надо мной, бестиар смотрит на меня сверху вниз, и теперь в его глазах я вижу, а точнее, чувствую иное. Чувствую, потому что опускаю взгляд, но мне и без того достаточно. По моей коже течет его интерес — какой может быть интерес у Верховного к найденной в лесу девчонке. Платье словно становится прозрачным, оно будто растворяется, рассыпается на куски, как от старости. Ничего такого, конечно, не происходит, но я с трудом справляюсь с желанием подтянуть руки к груди и прикрыться.

В довершение всего мне на подбородок ложатся пальцы: жесткие, сильные, не подчиниться которым просто физически невозможно. Он поднимает мою голову медленно, сантиметр за сантиметром, словно ему доставляет удовольствие растягивать это процесс. Все выше и выше, и выше, я словно скольжу, как по тонкому весеннему льду, только сейчас по иссиня черному мундиру, по перевязи к плотному воротнику, по мощной шее с резким бугром кадыка.

Выше. Еще выше. До того самого мгновения, как я отражаюсь в глазах с клубящимся в них наследием Бездны, и у меня начинает кружиться голова.

— Как тебя зовут? — спрашивает он.

— Алина. — Собственное имя сейчас почему-то кажется чужим.

Его взгляд задерживается на моих губах. Такой открытый, словно он уже раскрывает их своими. Кожа покрывается мурашками, мне невыносимо хочется зажмуриться и сбежать.

— Тебе не говорили, что ходить по лесу с парнями — позор для незамужней девицы, Алина?

Юрал продолжает молчать, и я поднимаю руку, на которой мерцает браслет. Губы бестиара изгибаются, словно он видит нечто непристойное.

— Ты жениться на ней собрался? — интересуется он, отпуская мой подбородок и положив руку с поводьями на колено.

— Д-да, — это первое, что мой жених выдает за все время.

— Как скоро?

— А... Алина сказала, ч-что торопиться н-не обязательно...

— Вот как. Ну раз Алина сказала, — взгляд бестиара становится хищным. — Сними.

— Что? — сначала не понимает Юрал.

— Сними свой браслет. Ваша помолвка расторгнута.

Я испуганно оборачиваюсь к нему, но Юрал, вместо того, чтобы все объяснить, вместо того, чтобы за меня заступиться, беспрекословно подходит и снимает символ нашей помолвки. Я даже вздохнуть не успеваю, как он касается моей руки, прячет виноватый взгляд и пятится.

— Свободен, — коротко сообщает Михаил. — Еще раз увижу в лесу во время работы — мало тебе не покажется.

«Юрал», — беззвучно шепчу, во мне просто не осталось других слов. Все еще на что-то надеюсь, но и надежда смертна. Потому что когда мой жених разворачивается и дает деру, а я все еще стою и сжимаю в руке сверток с едой, который он мне протянул, Верховный бестиар произносит:

— Поедешь со мной, Алина. — Мое имя он произносит тоже как нечто непристойное, а в следующий миг кивает одному из сопровождающих: — Павел.

В мгновение ока оказавшийся рядом со мной блондин отрывает меня от земли и легко сажает перед Михаилом на лошадь. Повинуясь его жесту, сопровождающие снова выстраивают звезду. Меня вжимает в широкую грудь, и я шепчу:

— Пожалуйста... мне надо вернуться в академию.

— Учеба для девки — пустая трата времени, — комментирует Верховный. — Особенно для такой, как ты.

Хлесткое пренебрежение бьет как пощечина, но я только вцепляюсь в сбрую, и вовремя: Михаил прищипривает лошадь, и та переходит в галоп.

Глава 3

Алина

В загородную резиденцию, или, правильнее будет сказать, в летний дворец бестиара меня привезли через парадный вход. То, что бестиары живут по своим правилам, никогда и ни перед кем не оправдываются, то, что любой их поступок воспринимается как закон, я знала, но сейчас убедилась в этом воочию. Едва Михаил спешился, к нему бросился слуга, чтобы принять поводья. Меня сдернули, как пушинку — все тот же Павел, он же нес мою сумку.

Куда подевался обед, который для нас приготовил Юрал, я понятия не имела, помнила только, что его забрали из моих рук, когда подсаживали. Юрал... даже вспоминать о нем было больно. Нет, я не ждала, что он бросится меня защищать или воспротивится воле бестиара, это было бы чистой воды самоубийство, но хоть что-то сказать... одними губами... тайком. Хоть как-то намекнуть, что он со мной, что все будет хорошо...

— Приведите ее в порядок к вечеру, — коротко произнес Михаил, и это был последний, что он сказал до того, как взлететь по ступенькам и исчезнуть в проеме широко распахнутых дверей. Даже не взглянув на меня.

— Что стоишь? — насмешливо поинтересовался Павел. — Пошли. Сдам тебя служанкам.

Мы поднимались по широченной лестнице — такие я раньше только на картинах да в книжках видела, везде были мрамор, позолота, а сам дворец — небесно-голубой, как отражение света, который бестиары оберегают от Бездны. Пока я шагала рядом с Павлом, в окружении остальных, на меня не смотрели. Все опускали глаза, кланялись.

Не мне, разумеется, хотя то, что я об этом подумала, само собой было смешно. А вот от чего мне стало не смешно — так это от ужалившего меня откуда-то сверху колючего взгляда. Я вскинула голову, но никого не увидела, лишь шевельнулся легкий тюль занавески в огромном окне на втором этаже.

Дальше меня и впрямь сдали служанкам. Девушки, молчаливые и хмурые, вообще ни слова мне не говорили, хотя я пыталась узнать хоть что-то. То ли был такой приказ, то ли я им не понравилась, а может быть, просто посчитали лишним — да и что они могли знать? Просто делали свою работу. Привели в купальню, явно не господскую, потому что она была маленькой, с крохотной ванной, куда меня и усадили. Воду даже не нагрели толком, поэтому за то недолгое время, что меня терли мочалкой и больно дергали за волосы, я успела вся покрыться мурашками. На слова, что я могу помыться сама, меня разве что не обшипели, как рассерженные кошки, и дальше я уже просто не открывала рта.

Известно же, что любая прислуга в доме бестиара, а особенно Верховного бестиара, стоит выше любого крестьянина или дворового, так что не мне было говорить им, что делать. После купания меня завернули в огромные мягкие полотенца (как сказала бы Марика, отродясь таких не щупала) и быстро-быстро отвели в комнату. Наверняка небольшую для этого дворца, но мне она показалась хоромами! В ней не было нагромождения кроватей и тумбочек, между которыми с трудом протискивались даже самые худенькие, как в нашей общей комнате в академии, или занавесок, отделявших спальные места в родительском доме. Кажется, она вообще была на одного.

— Одевайся. Сейчас обед принесу, — сурово произнесла пухленькая служанка. — Поешь, потом ложись спать. Да время не теряй, отдохни как следует, потом снова придем. Сбирать тебя будем.

— Куда?

Ответом мне был раздраженный взгляд и захлопнувшаяся достаточно громко дверь. Наверное, если бы не обстоятельства, я бы с интересом рассматривала все вокруг, сейчас же просто подошла к добротной, достаточно большой кровати, на которой лежала длинная до пят сорочка. Длинные рукава, ворот под горло — все как положено. Для сна. Ничего кроме этого нижнего платья из одежды здесь не было, поэтому я надела ее. Села на кровать, дрожа то ли от холода и мокрых волос, то ли от пережитого. Сунула руки между коленями.

Юрал сейчас наверняка пойдет к Марики и все расскажет. А та добежит до родных, до моих родных, не оставит их в неведении. Но и я сегодня вечером все расскажу бестиару, попрошу отпустить. Как можно скорее! Они ведь без меня не смогут...

Отпустит ли?

Снова и снова я мысленно возвращалась к тому моменту, когда он появился в лесу. Как смотрел на меня — жадным, мужским взглядом. При одной только мысли об этом меня начинало колотить, а после, когда вспоминала Юрала и его «отступление», без малейшего знака, и вовсе хотелось съежиться. Что я и сделала: подтянула колени к груди, обхватив себя руками, в таком состоянии меня и застала служанка.

Поставив поднос на стол, посмотрела еще более хмуро, а потом всплеснула руками:

— Замерзла, что ли? Вот же дурья твоя башка, деревенская! Что ж сушило не попросила?! — Сунув руку в карман, она извлекла оттуда артефакт, о которых в академии мы только слышали. Потому что он был очень дорогой, но помогал сушить волосы и одежду. Служанка сунула мне в руку красную пластинку, пояснила: — К голове подносишь и водишь. Сам включается, когда чувствует сырость, сам выключается, когда уже достаточно. Все поняла?

Я кивнула.

Правда, сушилом так и не воспользовалась. Как и обедом: когда она вышла, легла, завернулась в приятно пахнущее, хрустящее одеяло с головой. Стараясь не думать о том, что меня ждет.

Хотя и так понятно, что. Зачем ему простая сельская девчонка, которой повезло учиться в академии?

Зачем я только послушала Юрала и пошла к этой реке!

Но что толку теперь себя корить, оставалось лишь вот так лежать в коконе из одеял и смотреть на сумку. Ее принесли в комнату еще до того, как сюда привели меня, и в этой сумке была практически вся моя жизнь. Книги, немного денег, расческа. Тетради для записей, перья, конверт: мне передали письмо из столицы от тетушки. Надо было бы его распечатать, но не хотелось. Вообще ничего не хотелось.

Могла ли я попытаться сбежать? Могла. Только это все усугубило бы: и для меня, и для моих родных. Поэтому я лежала и надеялась, что удастся заснуть. Что успокоится и тупая боль в сердце, возникающая каждый раз при мыслях о Юрале, и что бестиар про меня забудет. Нет, ну а может же такое случиться? Что у него тут, девиц не хватает? Причем я уверена, даже самых благородных. Может, к вечеру уже и не вспомнит о том, что нашел днем? Точнее, кого, но для него я не больше чем что, я это прекрасно знала. И не обольщалась. Потому что уйти мне позволят только если он обо мне забудет. Только тогда.

Заснуть так и не удалось. А к вечеру, когда гомон дневных птиц уже начинал затихать и затрещали сверчки, снова явились девушки. Меня усадили перед зеркалом, и началось. Мне крутили волосы, оттеняли скулы магической пудрой, вертели туда-сюда, а после принесли платье. Красивое, как для дорогой куклы. Светло-зеленое, в цвет моих глаз. Пышное, как у дворянок.

Когда наряжали, я уже посмотреть на себя не могла, а получилось лишь когда служанки закончили и втащили в комнату огромное зеркало, во весь мой рост.

— Понравится? — спросила одна у другой.

— Понравится! Чудо как хороша. — И вторая развернула меня к зеркалу.

В котором действительно отразилась красивая кукла. Потому что это была не я! У меня никогда не было таких причесок — высоких, лишь тонкие нарочно выпущенные локоны щеко-тали шею. У меня не было таких платьев, таких туфельек, изящных и при этом словно обнимающих стопы, и уж тем более у меня не было драгоценностей. Не говоря уже о том, что косметикой я никогда не пользовалась, даже самой незаметной.

В дверь постучали, и девушки тут же засуетились.

— Все, пошли, пошли, он ждет.

Меня вытолкали из комнаты, не успела даже вздохнуть. Потащили по коридорам, я почти бежала за ними, разве что не спотыкаясь. Потом мы поднялись на второй этаж, и вот уже коридоры расширились, стали более светлыми. Мы даже миновали одну галерею и анфиладу, остановившись перед тяжелыми светлыми дверями, обрамления и ручки которых сверкали позолотой. По обе стороны от них стояли гардианы, которые даже не скосили на нас глаза, словно их намертво вкопали в пол. Служанки постучали, и, дождавшись резкого:

— Войдите, — сами распахнули двери, пропуская меня вперед и скользя следом.

Мы оказались в просторном кабинете. Таком огромном, что по сравнению с ним терялась, наверное, даже наша практическая аудитория. Здесь было множество стеллажей с книгами, документы, крепления для хтианов Верховного на стене. Закатный свет проникал из широких эркерных окон, путаясь в его волосах и придавая темным прядям огненный, а серебряным нитям в них — медный оттенок.

Михаил восседал в огромном кресле за массивным столом из красного дерева и, подняв на меня взгляд, разве что не сплюнул.

— Никчемные девицы! Вы все испортили.

Служанки одновременно побелели, а Верховный скомандовал уже мне:

— Подойди.

У меня нет никакого выбора, кроме как подчиниться. За послушание Верховного бестиара — смерть, за любое неповиновение, неподчинение — тоже, причем зависит от того, как решит судья: только твоя или всей твоей семьи.

Сглотнув, приближаюсь, а Михаил разворачивает меня лицом к служанкам:

— *Это* я просил из нее сделать? — спрашивает резко, а потом таким же резким движением проводит рукой возле моего лица. Кожу начинает ощутимо пощипывать, и я понимаю, что магия поглощает частички пудры и всего того, чем меня «украшали». На достигнутом бестиар не останавливается, и шпильки из моих волос летят на пол, одна за другой. Я чувствую, как длинные пряди падают на обнаженную спину (оказывается, у этого платья достаточно глубокий вырез не только спереди, но и сзади), и, когда шпильки заканчиваются, за ними следуют украшения. Одно за другим.

Как ни странно, без них мне становится легче, словно ненужное, не мое отвалилось, но ненадолго:

— Соберите, — командует бестиар побелевшим девушкам, и те беспрекословно бросаются выполнять приказ.

Пока все это происходит, его ладонь ложится на мою шею, сзади, поверх расстелившихся волнами волос. Я чувствую жесткость и силу этого прикосновения и не могу даже пошевелиться, потому что этот немой приказ замереть не позволяет прийти служанкам на помощь. Когда они заканчивают, Михаил спрашивает:

— Кто до этого додумался? Превратить девчонку в разряженную куклу, да еще и нацепить на нее Ольгины побрякушки?

Похоже, с куклой ассоциация не только у меня, но в следующий момент все мысли во главе с этой вылетают из головы, потому что Михаил перебивает воцарившееся молчание холодным:

— Неважно, впрочем. Выпороть обеих.

— Пожалуйста, не надо! — Слова срываются с моих губ раньше, чем я успеваю их остановить, и меня тут же бьет жестким наотмашь:

— Молчать. Открывать рот будешь, только когда я разрешу.

А девушки одновременно падают на колени и начинают умолять:

— Пощадите, прошу...

— Мы не знали, мы подумали, что вам будет приятно...

Кабинет словно накрывает коконом силы, и служанки хватаются за горло. На меня тоже давит эта мощь, мощь силы Верховного бестиара, что заставляет сейчас мою кожу покрыться мурашками, и Михаил произносит:

— Ваша задача — не думать, а исполнять. Исполнять как скажу я, если что-то непонятно — уточнять.

Они явно задыхаются, но останавливаться он не собирается. До тех пор, пока девушки не теряют сознание, а после один его жест — и магия распахивает двери.

— Этих двоих на порку, — произносит он заглянувшему гардиану. — Ко мне никого не пускать.

Мужчина кивает. Служанок выносят, двери закрываются. После чего Михаил снова поворачивается ко мне. Солнце из кабинета уже ушло, и теперь его пряди чернее черного, а то самое серебро в волосах — так о него можно порезаться, как о леску. Он смотрит на меня сверху вниз, но ладонь на шее становится менее жесткой. Он даже скользит кончиками пальцев по позвонкам, словно собирается их пересчитать.

— Понравился такой образ? — интересуется хищно, кивает на гору выпавших из рук девушек шпилек и драгоценности. — Отвечай.

— Нет, — говорю честно. Поднимаю взгляд и ударяюсь о волну мутящей силы, но выдерживаю.

— Хорошо, — произносит Михаил. — Тогда раздевайся. Снимай это бездново платье.

Под «бездновым» платьем только нижнее. Белья на меня не нашли, и сама мысль о том, чтобы обнажиться перед мужчиной, вводит меня в ступор. Это платье — оно же прозрачное, почти, там все просвечивает.

— Не заставляй меня повторять, Алина.

— Зачем вам девка, которой даже в академии учиться — только зря время терять?

Дерзость? Несомненно, но понимаю я это только после того, как уже все сказала.

Как ни странно, Михаил усмехается.

— Обиделась? Зря. Девке в самом деле ни к чему учеба, — он пропускает пряди моих волос между пальцев, — особенно такой как ты. Ты красивая, Алина, очень красивая. Учиться тебе может и нужно, но совсем другому.

Он отпускает мою шею и скользит пальцами теперь уже по моим губам. Нажимает жестко, раскрывая их. Этим жестом все сказано: Михаил привык брать все, что хочет, и я не исключение.

— Ну а то, что при всех сказал, так это потому, что ты меня разозлила. Не люблю, когда другие лапают мою собственность. — Это уже прозвучало холодно, а еще опасно. Очень опасно. — Но довольно разговоров. Я сказал: раздевайся.

Я не могу.

Эта мысль бьется в моей голове, как огненная бабочка, а еще, вместе с ней — мысли об отце, о сестре, о брате. Что будет с ними, вздумай я сейчас проявить характер? Да и стоит ли мой характер жизни, безопасности моих близких.

Под тяжелым, обжигающим взглядом Михаила, руки тоже кажутся тяжелыми.

— Кто такая Ольга?

— *Что* ты сказала? — Верховный сощуривается, но даже сквозь этот прищур в его глазах бьется его магия и раздражение. Ноздри расходятся, словно принимаются хищный зверь. А

я думаю: может, он меня просто убьет? На месте, за дерзость. Марика и Юрал позаботятся о семье, они их не бросят. А там и брат с сестрой подрастут.

Малодушно? Может быть так. Но лучше уж так, чем бесчестие.

— Я спросила, кто такая Ольга.

Какое-то время бестиар смотрит на меня, и я не могу понять, о чем он сейчас думает? Как лучше меня прихлопнуть? Отправить на порку, потом прихлопнуть? Или что?

— Смелая, — наконец, произносит бестиар. — Дерзкая. А так, по виду и не скажешь. Но мне нравится. Ольга была моей любовницей. Несколько лет. Жила со мной, ни в чем себе не отказывала. У нее было все.

Жила с ним? Я знаю, что бестиары могут взять любую женщину, какую только пожелают, но у Михаила Велимирского жена и две дочери. Две княжны-бестиари. А его любовница жила с ними в одном доме?

— Хочешь так же, Алина? — Он насмешливо смотрит на меня. — Хочешь забыть о том, что такое нужда? Одеваться в шелка. Носить драгоценности. Не эти — такие тебе не пойдут.

Он снова кивает на то, что с меня сорвал.

— Тонкие, нежные. Бесценные. Ты таких даже не видела.

Это проверка? А впрочем, мне все равно.

Я смотрю прямо ему в глаза. Меня уже не так сильно шатает, как в самый первый раз, а может быть, просто напряжение сказывается, потому что я должна трястись как осина от этой давящей магии, но я стою прямо.

— Нет.

— Нет. — В его голосе снова слышится раздражение. — Тогда чего же ты хочешь?

— Учиться. — Домой, к семье. Но этого я не говорю вслух. Не хочу даже ненароком привлечь внимание Михаила к родным. — Хочу, чтобы вы меня отпустили.

— Вот как, — он сцепляет пальцы и смотрит на меня. По его голосу снова невозможно что-то понять. — Отказываешься, значит?

— Отказываюсь.

Ну вот и все. Точка невозврата пройдена. В детстве мы с Марикой убегали к обрыву, стояли, смотрели на реку. Когда гроза накатывала, поднимался ветер, чувство было такое, что вот-вот рухнешь вниз, и сердце заходило в груди — от тревоги и ребяческого восторга. Сейчас, по ощущениям, я в эту пропасть шагнула, но ничего не почувствовала. Время будто остановилось, замерло. Сердце тоже.

Секунды растянулись, как зимний мед на ложке, а в следующий момент Михаил дернул меня к столу. Опрокинул, прямо поперек, на бумаги, документы, вернув к жизни мое дыхание. Платье разошлось с треском, сорвавшаяся шнуровка больно хлестнула по спине. Ладонь верховного потянула наверх сорочку, горячая, жесткая, сильная, скользнула мне между ног.

Словно в насмешку, откуда-то донеслись звуки фортепиано, известная соната вливалась в кабинет, и под эту музыку я забилась, вскрикнула:

— Отпустите! — И задергалась еще сильнее, пытаюсь вырваться. — Нет! Не надо! Нет!

— Чумовая девка, — прошипел Верховный, вдавливая меня в стол своим весом. — На вид — скромница-скромницей.

Пальцы грубо прошли между моих бедер, а потом рывком проникли в меня, и я закричала. От боли, от ужаса. От осознания того, что вот-вот произойдет. От грубости, от напугавшего еще сильнее рычания:

— Орешь, да? Под ним так же орала? Только для него ноги раздвигать готова?

Пальцы двинулись дальше, и стало еще больнее. В тот миг, когда резко хлопнула дверь, я уже почти потеряла сознание от ужаса, и свет полыхнул перед глазами, когда режущее ощущение снизу исчезло. Михаил отпрянул, прорычал, как зверь:

— Я занят!

— Это важно. — Спокойный, неестественно-спокойный мужской голос прозвучал, как выстрел ружья.

Я дернула сорочку вниз раньше, чем успела опомниться. Но что толку? Даже с ней я была словно обнажена, и под взглядом другого бестиара закрыла себя руками. На краю сознания мелькнула мысль, что это на него все глазели в академии, а теперь он смотрел на меня. Равнодушно, насквозь. Как на любую вещь в этом кабинете, но мы и есть — вещь. Любой человек на подвластных бестиару землях — его собственность. Его и его родных.

Племянник Верховного бестиара, пришло вспышкой-воспоминанием.

А в следующее мгновение прозвучал приказ Михаила:

— Пошла вон!

Я рванулась к дверям, запуталась в остатках разорванного платья и упала бы, если бы меня не подхватил шагнувший вперед его племянник. Прикосновение ладони к ладони опалило, как огнем, странным образом плеснуло в руку, как живительной силой. Мгновение — и хтианы легли на стол, а на плечи мне набросили мундир.

Это стало последней каплей. Стянув грубые края ткани так, что грозила себя задушить, я выбежала за дверь, напоследок услышав холодное:

— И давно ты берешь девиц силой?

Глава 4

Богдан

Во дворец Богдан вернулся ближе к ночи. Нужно было снять магические следы, побеседовать с теми, кто знал парня. Уж слишком все складно выглядело. Милен стащил настойку в лекарской, когда понял, к чему все идет. Уже внизу, в каземате отравился, хотя мог сделать это сразу. Но, чтобы сопоставить факты и понять что к чему, пришлось потратить немало времени.

Учился Милен хорошо, подавал надежды как помощник целителя. Помогал другим, легко заводил друзей, правила и предписания академии не нарушал. Получал высокие баллы и совершенно этим не хвастался, не зазнавался. Возможно, поэтому у него было много друзей, и все как один твердили, что он очень любил жизнь.

Ближе к вечеру лица уже сливались у Богдана перед глазами: преподаватели, ключник, экономка, лаборанты, студиозусы. Любую другую задачу такого рода можно было скинуть на гардианов, но, поскольку в деле была замешана нулевая магия, Богдан со всеми общался лично. К этому привлекли секретаря из службы тайного сыска, тот составлял протокол. Когда все закончили, уже стемнело.

Предварительно было принято решение не афишировать ситуацию, пока нет уверенности в том, что выпить белладонну парня не заставили или просто не преподнесли ее как выход из положения. Богдан же отправился домой. Не удалось ему побеседовать только с одной девушкой, которую называли хорошей подругой погибшего. Алина Лоэва. По описанию она была подозрительно похожа на девчонку, о которой он думал до случившегося, и, внезапно, исчезла.

Ни в академии, ни в полях с подругой Марикой ее не обнаружили. Только когда на девушку надавили, та, заикаясь и бледнея, сообщила, что Алина со своим женихом пошла в лес. На вечернюю смену, до ужина, Лоэва тоже не явилась. Богдан сам не понял, что произошло в тот момент, когда он услышал слово «жених». Словно Бездна открылась внутри, царапнула и закрылась.

Оставив после себя саднящее раздражение и нежелание признавать, что девушка с зелеными, как трава по весне, глазами принадлежит другому. Увы, ни Алину, ни ее жениха так и не нашли, пришлось отправить гардианов с особым поручением к ней домой и домой к Юралу Усольцеву.

А во дворце уже ждали очередные новости: Катерина не в духе, потому что дядя приволок себе замену Ольги. Про замену говорили злые языки — после смерти официальной любовницы, которая шокировала весь высший свет тем, что жила с ним на правах второй жены, Михаил находил себе новые игрушки на ночь-две, которые менял с завидной регулярностью. Но девицу было приказано одеть, привести в порядок, ей даже предварительно выделили комнату в крыле прислуги, поэтому и судачили все, кому не лень. Когда речь заходит о чьей-то личной жизни, аристократы становятся на одну ступень с прислугой.

— Девчонку обрядили в Ольгино платье и нацепили ее бриллианты!

— Неужели? А впрочем, какая разница, ты и без нарядов прекрасна, — разливался в соседней комнате соловьем его камердинер. Выглянув, Богдан обнаружил рядом с ним хорошенькую горничную, кокетливо поправляющую выбившуюся из под чепца прядь волос.

Заметив его, парень и девушка изменились в лицах.

— Чтобы я больше такого не слышал, — холодно произнес Богдан.

— Простите, я... — камердинер поклонился. — Такое больше не повторится, кавальер.

Он зашел к себе, чтобы перевести дух, а после подняться к дяде. Произошедшее явно нужно было обсудить, но по дороге Богдан столкнулся с Павлом.

— До утра он явно тебя не ждет, — хохотнул первый сопровождающий, когда тот поинтересовался, чем занят Михаил. — Нашел себе новое развлечение. Так что можешь расслабиться.

Из таких вот штрихов — шушуканья горничных, бурных обсуждений в музыкальном салоне, затихших, когда он проходил мимо, рыдающей камеристки, которой Катерина устроила выволочку за какую-то малейшую провинность, надутых, как замерзшие снегири, княжен Марии и Василисы, Богдан и составил картину происходящего. Сначала хотел плюнуть и не ходить, как советовал Павел, до утра все равно ничего не изменится. Но что-то словно толкало его наверх. На второй этаж. К дядину кабинету.

Сначала это было что-то неясное, едва уловимое, необъяснимое. Но, когда гардианы сказали, что Верховный бестиар не принимает никого, а из-за двери донесся отчаянный девичий крик, Богдан просто толкнул двери и вошел. Чтобы увидеть зажатую у стола девушку, продолжавшую отчаянно отбиваться.

Сопротивляться его дяде — для этого нужно было либо быть безумной, либо иметь недюжинную смелость. И, когда девчонка резко одернула задранную сорочку и обернулась, его словно молнией прошило насквозь.

Потому что это была она. Девушка, о которой он думал весь день.

В этот миг внутри в самом деле разверзлась Бездна.

Магия полыхнула внутри, отозвавшись напряженной дрожью на кончиках пальцев. Именно в этот момент в голову пришла шальная мысль, что марать о Михаила хтианы — марать честь бестиара. Потому что дядя явно понятиями чести не заморачивался. А под пульсирующими, словно в кипятке, руками уже крошились его позвонки.

Все это пронеслось в мыслях в одно мгновение, оборвавшись резким окриком Михаила: — Пошла вон!

Девушка бросилась к дверям. Запуталась в разорванном платье, и он едва успел ее подхватить. Прикосновение взглядов пронеслось со скоростью падающих звезд, прикосновение хрупких пальцев обожгло так, словно он и впрямь вздумал удержать в ладони звезду. Богдан одним движением выхватил оружие, отстегнул крепления и набросил мундир на ее плечи. Закутавшись в него, Алина все-таки вылетела за дверь, а он, глядя на Михаила в упор, выплюнул:

— И давно ты берешь девиц силой?

Магия по-прежнему жгла изнутри, но ее Богдан успел вовремя взять под контроль. Но не слова. Дядя изумленно приподнял бровь:

— Не понял. Ты мне указываешь, *что и как* делать?

Он явно был раздражен. Безразличный, холодный, как гробовая доска, сейчас Михаил разве что не бил хвостом, как кот, которому забыли налить сметаны. Почему-то именно эта ассоциация помогла взять себя в руки. Хотя внутри все еще билась запертая в границы тела магия, Богдан ответил уже спокойно, но не менее холодно:

— Хочу понимать, что здесь происходит.

— Это тебя не касается. — Михаил раздул ноздри. — Что там у тебя за важность, которая не могла подождать?

«Алина», — подумал Богдан, а вслух произнес:

— Убийство нулевика.

— Ты сейчас не про казнь, как я понимаю? — Деловой разговор переключил Михаила, он уже не выглядел как разъяренный зверь.

— Он отравился. Точнее, все выглядит как то, что он отравился. Но слишком ладно. — Непривычно было цеплять крепления и возвращать хтианы на место без мундира, но оставлять их на столе у дяди тоже был не вариант. — Я предположил, что его отравили. Расследование передано в Службу тайного сыска, но я бы предпочел курировать его лично.

— Занятно. С чего бы?

— Парень необычайно быстро перескакивал из стадии в стадию. Хочу понимать, с чем мы имеем дело.

Михаил помолчал, обошел стол и опустился в кресло. Винного цвета, как и вся обивка в его кабинете, и тяжелый бархат портьер, и стены.

— Хорошо. Я опишу Неверскому. Будешь курировать. — Постучал пальцами по столу и добавил: — Если это все, ты свободен. Гардианы пусть зайдут ко мне.

— Они не имели права меня останавливать, — произнес Богдан, зная, к чему все идет. — Я старше их по званию и, к тому же, бестиар. Твой племянник.

— Как я уже сказал, это тебя не касается, — процедил Михаил. — Свободен.

Понимая, что обсуждать участь гардианов бесполезно, особенно сейчас, Богдан развернулся и вышел. На ходу бросив застывшей охране, что их ожидают. Сожалеть о случившемся было поздно, да и бессмысленно, случись ему повторить все сначала, он поступил бы в точности так же.

Вот только сегодняшний эпизод — далеко не последний. Если дядя задался целью сделать Алину своей, он это сделает.

При одной только мысли об этом кровь превратилась в кипящую лаву, пришлось несколько раз сжать и разжать кулаки. Глубоко вздохнуть. Но помогло не это, а тихий всхлип. Обернувшись, Богдан увидел ее: в конце коридора, прижавшуюся лбом к стеклу. Она не плакала, просто пыталась вздохнуть, словно что-то сжимало ей грудь, не давая дышать. Невыносимо хрупкая, но при этом собранная, как натянутая струна, Алина стояла, обхватив одной рукой ворот его мундира, другой удерживая норовящее вот-вот снова сползти разодранное платье.

— Алина.

В ответ на свое имя она вскинула голову и посмотрела ему в глаза. Не с вызовом, нет, но так, как могла бы смотреть княжна, пережившая все то, что довелось пережить ей. Откуда в девчонке такая сила? Другая на ее месте убежала бы с подвываниями или просто билась бы в истерику. Она же стояла напряженная, но не дрожала, даже не опустила глаз, когда он подошел к ней.

— Почему ты не вернулась в комнату?

— Я не знаю, куда мне идти. — Алина глубоко вздохнула, а после добавила: — Меня привели служанки, но их отправили... их наказали. Я не помню дороги.

Прямой ответ. Но какой спокойный. Сильная, удивительная девушка.

Михаил ее ломает.

Эта мысль почему-то пришла в голову, полоснула по сердцу, словно хтианами. Решение пришло быстро, и, прежде чем Алина успела сказать что-то еще, он подхватил ее на руки.

— Что вы делаете? — выдохнула она.

Сейчас ее лицо было так близко, что он при всем желании не смог бы не смотреть в эти невероятные колдовские глаза. Богдан догадывался, что ответ ей не понравится, но все же сказал:

— Я забираю тебя. Себе.

Алина

Не представляю, как я удержалась на грани. Той самой, когда просто сползаешь на пол и начинаешь беззвучно плакать. Слез не было, а когда меня подхватили на руки, в груди закончился воздух. Я даже шевелиться лишний раз не хотела, но все-таки вытолкнула из себя вопрос.

Чтобы услышать ответ:

— Я забираю тебя. Себе.

Вот так просто, как куклу или любую другую игрушку. Наверное, именно в этот момент я поняла, что моя жизнь изменилась окончательно и бесповоротно. Михаил не остановится, пока не сделает то, что задумал, а его племянник?

У меня было время подумать об этом, пока мы шли по коридорам, казалось, бесконечного дворца, а слуги и гардианы расступались перед нами. На лицах первых читалось плохо скрываемое любопытство, смешанное с изумлением, на лицах вторых — бесстрастных, просто принятие того факта, что я переходящий приз.

Мне надо было подумать об этом, надо было подумать о том, что и как говорить и что делать, но я настолько устала, что все мысли просто выветрились из головы. Я позволила себе молча утонуть в этих объятиях, кусая губы и глядя на сменяющие друг друга декорации и лица. Поздним вечером их было не так много, как могло бы, но все равно достаточно.

Достаточно для того, чтобы понять, кто я.

Игрушка. Собственность.

Вопрос только в том, чья.

Бестиар, что нес меня на руках, распахнул дверь ударом ноги. Получилось не аристократично, и я с трудом сдержала смехок. Смех — первый признак подступающей истерики, а я не хотела, чтобы меня накрыло слезами и паникой. В таком состоянии я не смогу говорить и мыслить здраво.

Мы прошли через небольшой кабинет, совершенно не напоминающий кабинет Михаила, и оказались в спальне. В такой огромной, что впору было здесь в догонялки или прятки играть.

Глупая мысль. И я глупая, если подумала, что меня могут отпустить.

Племянник Верховного усадил меня на постель поверх покрывала, сдернул с кресла аккуратно сложенный плед, которым, судя по аромату луговых трав и свежести, никто до меня не пользовался, и закутал в него поверх своего мундира.

— Вы защитите мою семью? — с губ сорвалась очередная глупость. Но я ничего не могла с собой поделать. Почему-то рядом с Михаилом говорить о семье боялась, а рядом с его племянником — нет. Его имени я не знала. Я вообще ничего о нем не знала, что, если он сейчас рассмеется мне в лицо?

— Твою семью? — холодно переспросил он.

Не смеется. Уже хорошо.

— Да. Отца. Брата. Сестру. Михаил... — я прикусила язык. — Верховный может отыгаться на них за отказ.

Почему-то меня уже даже не знобило, когда я смотрела ему в глаза. Может быть, дело было в мундире и пледе, а может быть, в том, что сегодня я столько раз соприкасалась с силой бестиаров, что она воспринималась как само собой разумеющееся? Такое вообще может быть? Неважно. Я ждала его ответа, понимая, что он изменит все. Для меня так точно.

— Да, — наконец, отозвался он. — С ними ничего не случится. Если будешь делать все, как скажу я.

Конечно. Кто бы сомневался.

— Ты будешь моей любовницей, Алина. Михаил не станет претендовать на тебя, если поймет, что я был первым. Это ниже его достоинства. Не говоря уже о его репутации. Скорее, он вывернет все так, что подарил тебя мне. Для всех это будет объяснением, которое не уронит его значимости ни в глазах окружающих, ни в его собственных.

С удивлением обнаружила, что не чувствую никакого внутреннего протеста. Должно быть, сказались усталость и напряжение, а может быть, осознание того, что он говорит правду. Он обещал защитить моих родных. Гордость в сравнении с жизнями и благополучием тех, кто тебе дорог — ненужная роскошь.

— Ты согласна? — вот теперь от взгляда бестиара снова закружилась голова.

Я уже забыла, каким он может быть затягивающим, давящим, властным. Сейчас, сидя в комнате этого мужчины, я бы ни за что не сказала, что его сила чем-то уступает силе Верховного, скорее, наоборот. Если в Михаиле она билась, как звериная ярость, в его племяннике стелилась ровно, как сгущающийся поутру туман, набирающий плотность. Сама не знаю, почему я об этом подумала, но сейчас только склонила голову:

— Благодарю за оказанную честь. И за вашу помощь, — вытолкнуть это из себя оказалось не так уж сложно. Станным образом любое сопротивление ему просто рассыпалось об этот «туман». Который ворочался в его сердце, струился в его крови как огонь из нутра вулкана. Верховный вызывал отчаянное желание сражаться до последнего, его племянник — склонить голову и признать его власть.

Но как такое возможно? Ведь Верховным может стать только тот, чья сила превышает любую другую...

— Хорошо. Там можешь умыться и привести себя в порядок, — бестиар указал в сторону еще одной двери. — Потом жду тебя здесь.

Я отпустила края плеча. Поднялась.

Предательское разорванное Ольгино платье поползло вниз, я едва успела его подхватить, а вот мундир — нет. Он упал к моим ногам, и взгляд мужчины текуче, обжигающе протянулся по моим обнаженным плечам. Как тот самый вулканический огонь, способный испепелить дотла. Это длилось какое-то мгновение, но оказалось достаточным, чтобы во рту пересохло, а огонь прямо под платьем и нижним платьем перекинулся на грудь, на живот, даже каким-то образом забился внутри. В самом низу.

Бестиар отвернулся, и я, испытывая жгучий стыд за то, что только что произошло, спросила:

— Как мне вас называть?

— Что? — отстегивая крепления хтианов, он хищно посмотрел на меня.

— Как мне к вам обращаться? — повторила я.

— На людях обращаться к тебе буду только я. Ты будешь отвечать, первой со мной заговаривать не смей. Когда мы наедине, достаточно будет моего имени. Богдан.

Вот вроде бы ничего обидного не сказал. Не сделал, но разом провел между нами черту. Хотя так и должно быть. Склонила голову:

— Я поняла, Богдан.

Его кадык как-то странно дернулся, но я уже не смотрела на мужчину. Поспешила скрыться за дверью, на которую он указал, чтобы остаться одной. Наконец-то остаться одной, сбросить с себя весь этот кошмар, все эти липкие прикосновения. При одной только мысли о том, что внутри меня снова окажутся пальцы, я задрожала. Мы с Марикой не имели такого опыта, но девицы в полях обсуждали свой и говорили, что это «прелесть как приятно». Я же помнила только боль на грани и мерзкое ощущение, желание вырваться, избавиться от этих прикосновений, от этого проникновения.

И что? Что дальше?

Глубоко вздохнув, отпустила наряд, позволив ему упасть. В другой раз, наверное, все бы рассматривала, но сейчас только быстро сделала все, что положено природой, поплескала водой на лицо и обтерлась, а после вновь надела нижнее платье. Наверное, это не имело смысла, поскольку сейчас его с меня все равно снимут, и при мысли об этом все сжалось. Подавив желание остаться здесь навсегда, спрятаться за красивой ванной на резных ножках, я толкнула дверь и вышла.

Бестиар стоял у окна, спиной ко мне. Он уже снял хтианы, должно быть, они сейчас покоились на стене в его кабинете.

А в следующий миг все мысли уже выветрились из моей головы, потому Богдан повернулся, и прозвучал приказ:

— Подойди, Алина. Раздень меня.

Глава 5

Алина

Не знаю, где остались моя скромность и мое смущение, а может быть, они просто отвалились за ненадобностью. Или я настолько устала, что мне уже все равно? Хотя Богдан ни к чему меня не принуждал, он все равно поставил меня перед фактом. Стать его любовницей. Никогда раньше не могла подумать, что соглашусь на такое. Никогда раньше от меня не зависела жизнь и благополучие моих близких. Буквально.

Приблизившись, неловко касаюсь его рубашки и чуть не отдергиваю руку. В конце концов, это Богдан с Михаилом считают меня искушенной во всех этих вопросах, Юрал же всего лишь один раз меня поцеловал. Коротко чмокнул в губы, деликатно и быстро, это случилось, когда он надевал мне помолвочный браслет. Он, может быть, и хотел большего, но я была не готова.

Усилием воли вытаскиваю себя из этих мыслей и расстегиваю первую пуговицу. Пальцы дрожат. Мне страшно даже касаться его, потому что я помню, каким было прикосновение его ладони. Какими были прикосновения Михаила.

Нет, хватит! Думать об этом больше нельзя.

Я смотрю только на свои пальцы, которые, пуговица за пуговицей, расстегивают рубашку бестиара. Обнажая красивую загорелую грудь, на которую с плеч стекают руны. Часть из них защитные, часть боевые, так бестиарам проще контролировать свою магию, управлять ей, призывать, а еще проще контролировать Бездну, которая с каждым побежденным прорывом накладывает на них свой отпечаток. Я плохо в этом разбираюсь, но замечаю, что на смуглой коже, в темноте руны, кажется, начинают сиять.

Богдан неожиданно перехватывает мои руки, разворачивает ладонями вверх.

— Какая у тебя магия?

— Сиреневая искра, пятый уровень. Минус, — отвечаю без запинки. — Эмоциональное исцеление.

Уровень магии и ее применение — то, что следует назвать по первому требованию гардиана или бестиара, это правило, которое нам втолковывают с самого первого дня раскрытия силы. Если сила не раскроется, это называют Нейтраль. Есть такие люди, и долгое время я считала, что у меня будет нейтраль. Но когда мама умерла, и нашу семью накрыло горе, я стала той, кто невольно вытянул отца с края. Именно тогда во мне проснулась магия, пусть слабенькая, но она спасла его. И брата с сестрой, которые тогда были совсем маленькими.

Богдан рассматривает мои ладони так, будто пытается по ним судьбу прочесть, как баба Галина, к которой ходили все девицы нашего поселка гадать на суженого. Мне она напроорочила ходить с разбитым сердцем от жениха, и я тогда посмеялась. Теперь вот совсем не смешно. Помню, Марика тогда разозлилась (она пришла вместе со мной) и выдала:

— Ну да, жених ей сердце-то разобьет, а что дальше?

— А дальше неведомо мне. Много дорог открыто, но что Алина выберет, только ей решать. Станет ясно, когда она решение примет, — и хитро так на меня посмотрела.

— Понятно все! Правильно про вас говорят, вы шарлатанка! Пойдем, Алинка, нечего здесь делать! Пойдем!

Подруга не на шутку завелась, а меня в самом деле разобрал смех.

— Простите, — пробормотала я и вслед за Марикой выскользнула из крохотной кособокой избы Галины.

— Мне продолжать? — тихо спросила я.

Браслеты пальцев на запястьях посылали импульсы в каждую клеточку тела. Я не должна была так реагировать, но странным образом чувствовала жар в груди. Тот самый, что растекался по телу. Невольно облизнула пересохшие губы и почувствовала прикипевший к ним взгляд.

Обжигающий, плавающий, острый.

— Продолжай, — хрипло произнес Богдан.

Я потянула рубашку из его брюк. Закусила губу, чувствуя, что краснею. От волнения в висках застучал пульс: быстрее, быстрее, быстрее. Зашумело в ушах. Я судорожно вздохнула и вспыхнула еще сильнее, потому что на этот раз мужской взгляд огладил мою высоко вздымающуюся грудь. А проклятое нижнее платье почти ничего не скрывало! Ни ставших острыми сосков, ни того, что прикосновение грубой ткани заставляет их стягиваться все сильнее.

Чувствуя, что я держусь из последних сил, потянулась к пряжке ремня.

— Дальше я сам, — остановил меня Богдан. — Ложись в постель. Я скоро приду.

Короткое облегчение от того, что не придется раздевать его снизу сменилось паническим страхом.

«Я сейчас приду».

Что, это все? Значит, вот так...

Сглотнув, нырнула под одеяло, когда бестиар скрылся в ванной. Пытаясь унять бешено бьющееся сердце, обхватила себя руками. Не знаю, до чего я бы дошла, если бы Богдан решил задержаться на подольше, но вышел он достаточно быстро. Полностью обнаженный. Поскольку я не ждала его так скоро, то и зажмуриться не успела, и лунный свет окатил его широкие плечи, подтянутый красивый живот, и... все что ниже. Я вспыхнула, кажется, до корней волос. Как будто меня в костер кинули!

Да, он вне всяких сомнений был безумно красив и отлично сложен, сразу видно, что бестиар — каждый день проводит в тренировках не только магических, но... но я даже не представляла, что увижу обнаженного мужчину до свадьбы. Что это будет не Юрал. И уж тем более что мне предстоит...

Кровать прогнулась под его весом без малейшего скрипа, а в следующий миг меня притянули к себе, к широкой, будто выточенной из камня груди. Мои ягодицы соприкоснулись с мужскими бедрами, и я чуть было не забилась в его объятиях, но Богдан положил руку мне на плечо.

— Тихо, Алина, тихо. Спи.

Что?

— Спать? — переспросила я. — Как — спать?

— Не думал, что тебе нужно объяснять, как это делается. — Горячее дыхание обожгло шею. — Но если хочешь...

— Нет, не надо, — выдохнула с облегчением. — Я просто думала, что мы... мы будем...

— Сегодня мы будем спать, — в доказательство своих слов он даже убрал руку, позволяя мне самой решить, что делать дальше.

Но я так и не решила, не решилась обидеть его, перекатившись на другой конец кровати, и не решилась пошевелиться, и вскоре, измученная событиями одного невыносимо долгого дня, просто провалилась в сон.

Приснится же такое... Я сладко потянулась, ощущая на лице теплую солнечную ласку. А еще сегодня выходной, от учебы и от работы, значит, можно будет навестить семью, погулять с Марикой, встретиться с Юралом. Юрал... При воспоминании о женихе улыбаться расхотелось, пусть даже это всего лишь сон. Я повернулась на другой бок, попыталась натянуть одеяло на

макушку: сегодня можно поспать подольше — и уткнулась носом в мужское плечо. Крепкое, сильное. Словно каменное.

Мгновение — и меня прошило осознанием.

Не сон!

Широко распахнув глаза, я столкнулась взглядом с бестиаром. Богдан лежал, закинув руки за голову, чуть повернувшись ко мне, и разом все произошедшее вчера вновь стало реальностью. От разочарования на глаза чуть было не навернулись слезы: в те минуты, когда я думала о своем самом обычном, привычном дне, я была бесконечно счастлива.

Должно быть, это разочарование отразилось на моем лице, потому что бестиар нахмурился, губы сомкнулись в тонкую полоску.

— Проснулась, Алина, — холодно произнес он. — Что ж, хорошо.

Потянулся и сел, а я потянула на себя одеяло. Хотя после того, что было, стоило уже забыть о скромности, но я не могла. Почему-то и не смогла отвести глаз от крепких, подтянутых ягодиц — Богдан поднялся стремительно, и я замерла на вдохе. Зажмурилась. Хотя понимала, умом, что его телом можно любоваться, как произведением искусства. Литыми мышцами, шириной плеч, текущей по ним вязью рун. Сильной спиной и ногами.

— Открой глаза, Алина, — последовал приказ. Жесткие пальцы легли на мой подбородок, и я подчинилась.

Богдан сидел на своей стороне кровати. В солнечном свете его внешность не стала ничуть теплее: хотя солнце и согревает все, до чего дотрагивается, но, видимо, не бестиаров. Волосы, в которых ночью путалось лунное серебро, потемнели до привычной иссиня-черной сути. Рассыпались резными прядями по плечам. Взгляд — темный, как оставшаяся в прошлом ночь, проникал в меня. В самую суть, словно он хотел вытащить на поверхность все мои чувства, все мои мысли. Вот только мыслей как таковых сейчас не было, я застыла. Только сердце билось о ребра, суматошно, как ненормальное.

— Так не пойдет, Алина, — холодно произнес Богдан, разомкнув пальцы. — Мне не нужна в моей постели кукла, которая боится даже вздохнуть.

— Я не боюсь, — голос, на удивление, звучал совершенно спокойно.

— Не боишься? Проверим. Садись сюда, — он указал взглядом себе на колени.

Щеки снова запылали. Но правда в том, что я в самом деле его не боялась. Знала, что он может сделать со мной что угодно, все, что захочет — и при этом чувствовала, что... что я вообще сейчас чувствовала?

Приподнявшись, попыталась встать с кровати, чтобы обойти ее и выполнить приказ. Не успела. Подхватив меня за талию, Богдан дернул меня на себя, и я оказалась на его бедрах, непозволительно, непростительно близко. Лицом к лицу с ним.

Даже вчера, когда я его раздевала, не было такой близости, а руны, в темноте сиявшие лунным светом, сейчас наполнились солнечным. Но руны я видела плохо, потому что между нашими телами расстояния было на палец, а то и того меньше. Напряженная горячая мужская твердость уперлась мне в живот, и ладонь бестиара легла на мой затылок, не позволяя отстраниться.

Я замерла. Да, я догадывалась, что Богдану от меня не поцелуи и прогулки под луной нужны, но сейчас просто превратилась в камень. Бестиар нахмурился, вглядываясь в мое лицо.

— Что-то не так, Алина?

Что ему ответить? Разве что правду.

— Мне стыдно, — тихо призналась я.

— Чего ты стыдишься? — Его ноздри шевельнулись, как у хищника. Чуть надавив на мою голову, он невольно заставил меня поднять взгляд, и я судорожно, рвано вздохнула.

— Вас... всего... этого. Я никогда раньше не видела мужчину обнаженным. — Признание далось с трудом, потому что говорить о таком тоже было стыдно. Особенно с мужчиной. — Я никогда не... была так близко.

Его зрачки расширились, а потом сузились, словно он не поверил ни единому моему слову. Должно быть, так же как Михаил считал, что я гуляю по лесам с Юралом вовсе не для того, чтобы перекусить. При мыслях о Юрале на глаза невольно навернулись слезы, я зажмурилась и отвернулась, насколько позволяла его рука.

— Алина, — жестко повторил Богдан. — Я уже говорил, что мне не нужна напуганная кукла в постели? Так вот, страдающая кукла мне тоже не нужна. Я тебя чем-то обидел?

Обидел?

От удивления я широко распахнула глаза и уставилась на него, как будто он со мной на хьердаррском заговорил. Хотя он мог бы, бестиары знают все языки мира, все двенадцать, их этому учат с рождения.

— Нет, но...

— Тогда переставай смотреть на меня так, будто сейчас вот-вот упадешь в обморок. Я охотно верю в то, что у тебя нет никакого опыта с мужчинами, но просто так из ниоткуда он не возьмется. Будешь учиться.

— Чему? — брякнула я, и тут же прикусила язык. И так понятно, чему.

Сквозь сверкающие остатки слез лицо Богдана слегка расплывалось, а он положил пальцы на мои щеки и осторожно стер пытавшиеся убежать ниже дорожки.

— Отодвинься, — скомандовал он.

Я осторожно отодвинулась. Теперь уже не чувствовала упирающееся в меня горячее мужское достоинство, но легче не стало. Потому что теперь я могла его видеть. Точнее, смогла бы, если бы он попросил меня опустить голову. Но он попросил о другом.

— Прикоснись, Алина.

Интересно, сколько я еще буду краснеть? И как долго внутри меня все будет сжиматься от таких приказов? Мне гораздо легче было смотреть на то, как легкий теплый ветер подхватывает занавески и пытается их отодвинуть, но сдается под натиском портьер, оставляя для солнца лишь то пространство, которое ему отмерено бестиаром или его прислугой. Портьеры в его комнате были темно-синие, и весь интерьер в таких же тонах. Я даже подумала, что смогу сосчитать виньетки на обоях, когда Богдан кашлянул.

Я вздохнула. Прикрыла глаза. Осторожно опустила руку между нашими телами, накрывая ладонью твердый горячий ствол. Думала, будет противно, но противно не было, а когда мои пальцы слегка сомкнулись на нем, Богдан хрипло выдохнул. Так резко и остро, что я вздрогнула, распахнула глаза и чуть не отдернула руку, но он перехватил меня за запястье.

— Продолжай. Глаза не закрывай, смотри на меня.

Спасибо хоть не вниз заставил смотреть, и то ладно.

— Опусть руку вниз. Потом вверх.

Я подчинилась, скользя ладонью по горячей бархатистой гладкости, усиленной выступившими венами. Когда повела ладонь на самый верх, его зрачки раскрылись чуть ли не всю радужку и полыхнули глубиной Бездны, врезавшейся в меня. От силы удара я даже не дернулась, а просто поняла, что соскальзываю в нее. Падаю, вместе с ним, а очнулась, когда он уже склонился надо мной.

Почему-то полностью одетый.

Что произошло?

— Ты в порядке, Алина? Как себя чувствуешь?

Я прислушалась: поняла, что со мной в общем-то все в порядке. Голова не болит, не кружится, сердце колотится ровно. Правда, забилося оно гораздо сильнее, когда ладонь вспом-

нила ощущение горячей тяжести. Во рту мгновенно пересохло, я невольно облизнула губы и сглотнула.

— Хорошо, — выдохнула я.

— Хорошо, — эхом отозвался Богдан. — Мне не стоило так на тебя смотреть без подготовки, но сейчас ты в порядке. Я прошелся по твоим контурам, никакой слабости, никаких дрожащих точек. И уж тем более никаких повреждений.

— Что это значит?

— Это значит, что со временем ты сможешь принимать мою силу, всю ее мощь. — Он резко замолчал, словно не собирался мне этого говорить, а после продолжил: — Скоро тебе принесут завтрак, а после мой камердинер пришлет портниху. Она снимет все мерки, но до того, как у тебя появятся собственные наряды, горничная привезет из магазина готового платья несколько временных. Еще я хочу, чтобы ты составила список всего необходимого, что может тебе понадобиться в ближайшее время. Меня не будет до вечера. Тебе принесут обед, а к ужину вернусь я. Из покоев выходить запрещаю. Это понятно?

Да куда уж понятнее.

— Мы могли бы послать за моими вещами к родным... — начала было я, но Богдан прищурился:

— Ты — моя любовница, Алина, и должна соответствовать. Во всем.

Закусила губу. И так понятно, наряды сельской девчонки не для дворца.

— Мне ничего не надо, — сказала тихо. — Но моим родным... их кормила я. Нужно, чтобы кто-то сообщил, что со мной все в порядке. А еще я могла бы съездить в Академию...

— Ты перегибаешь, — холодно оборвал Богдан. — Насчет родных можешь не беспокоиться, их предупредят и доставят все, что необходимо. Но когда я говорю, что ты должна составить список для себя, ты идешь составлять список. Это понятно?

— Понятно, — я опустила глаза.

— Академия — это лишнее.

Ну да. Разумеется. Девке же наука ни к чему.

«Особенно для такой как ты», — прозвучали в сознании ядовитые слова Михаила.

Я бы хотела обидеться, но сил на обиды уже не осталось.

— До завтрака полежишь, — прозвучал очередной приказ.

После чего бестиар развернулся и вышел, оставив меня наедине со своими мыслями, а я чисто из духа противоречия просто сразу же села на постели! Может быть, я и собственность, но я — человек! У меня есть чувства и право решать, что мне делать... по крайней мере, наедине с собой. Не позволив горьким мыслям снова завладеть мною — вот совершенно ни к чему это, я направилась в ванную комнату, чтобы смыть с себя все, что мешало дышать. Моя свобода внутри, и никто не сможет отнять ее у меня.

Ни один бестиар!

Глава 6

Алина

Девочкам должны нравиться платья. Наряды. Украшения. Но у меня никогда не было такого опыта. Точнее, ко мне никогда не приходили портнихи. Все, что у меня было, мама перешивала сама, из своих старых платьев. Потом, когда я подрастала, мои наряды доставались младшей сестре. Мы привыкли к тому, что видим платье сначала на маме, затем на мне, пусть и чуть измененное по фасону, а затем на Лидии. Когда ткань рвалась совсем, платье выбрасывали, но такое происходило крайне редко. Потому что покупать новую мы могли разве что раз в один-два года.

У мамы когда-то была совсем другая жизнь. Она родилась в семье гувернантки и садовника, и могла бы пойти по стопам моей бабушки. Учить детей бестиара, потому что сама получила хорошее образование, но мама влюбилась в отца. В молодого крестьянина, который работал на земле, и для нее это значило навсегда забыть о жизни без хлопот и лишений. Ни разу за всю свою жизнь она не сказала ни слова сожаления о своем выборе. Ни разу я не слышала, чтобы они с отцом спорили или ссорились, скорее, наоборот, мама всегда поддерживала его, а папа — ее. Они жили душа в душу, отец нас кормил, мама занималась нашим образованием.

Иногда он смеялся, зачем нам на земле грамотность, но мама даже на это не обижалась. Отвечала кротко:

— В хозяйстве пригодится.

И мне пригодилось. Я смогла поступить в академию не только из-за магии, но и потому что умела читать и писать. Теперь это все было разрушено и никому не нужно.

— Повернитесь вот так, — из мыслей о случившемся меня выдернула портниха. — Спинку вытяните.

Она сняла последние мерки и принялась собираться. Пухлая седая женщина, с удивительно добрыми глазами на округлом лице, она улыбнулась мне и сказала:

— Все образцы тканей я оставила Василию. Ваши размеры теперь у меня, и как только ваш господин пришлет свои рекомендации, я приступлю к пошиву.

Пока мне подобрали несколько скромных платьев из выходного гардероба горничных, и только благодаря этому я не разгуливала по комнате в нижней сорочке. Хотя я предпочла бы свои домашние платья, Богдан ясно дал понять, что им не место в этом дворце. И уже за одно только это мне хотелось наступить ему на ногу. Больно!

Портнихе об этом знать было незачем, поэтому я только кивнула:

— Да, благодарю вас.

В ответ она улыбнулась и вышла, а я подошла к окну. Спальня Богдана располагалась на втором этаже, и за утро и первую половину дня я успела изучить, кажется, каждый кустик раскинувшегося передо мной парка. Собственно, самим парком это еще не было: просторный выстриженный газон взрезали дорожки, лучами собирающиеся в одну главную и широкую. Она и вела к небольшому мостику по галерее высоченных, красиво оформленных кустарников. А вот дальше, в самом ее конце, за этим мостиком как раз и раскинулся парк. Огромный.

Отсюда не просматривались беседки и озера, но я точно знала, что они там есть. Нам рассказывали про этот парк, его построил двести лет назад правящий тогда Верховный для своей любимой жены.

Дерево подоконника приятно нагрелось от солнца, и я потянула на себя тяжелые створки рамы. Стоило окну распахнуться, как в комнату стремительно, возбужденно ворвалась летняя жизнь. Зажужжали шмели, кружащие над розовыми кустами, тянущимися вдоль дорожек.

Запели птицы, еще не успевшие налетаться до наступления полуденного зноя. Я подтянулась и забралась на подоконник, подогнула под себя ноги и прислонилась к стеклу.

Мне было непривычно. Очень непривычно. Сельская жизнь имеет свои трудности, но и плюсов в ней тоже море, например, убежать в такую жару к речке в свободный день. Или просто поваляться в поле в тени, в стогу сена, отмахиваясь травинками от слишком надоедливых жучков.

Моя жизнь совместила в себе два мира, мамин — академический и папину близость к земле, мне одинаково нравилось и учиться, и познавать природу и землю, при этом оставаясь свободной. Конечно, после смерти мамы все стало иначе, а учеба в академии накладывала определенные ограничения, но даже там я не была вынуждена сидеть в одной комнате и ждать... чего?

Того, что придет...

— Господин, — передразнила я портниху. Само даже слово почему-то заставило скрипеться. Хотя Богдан в самом деле был моим господином, сейчас это невероятно, невероятно раздражало. Я даже с подоконника спрыгнула и склонилась в низком поклоне перед олицетворяющим Богдана стулом.

— Да, господин. Разумеется, господин. Нет, зачем мне учиться! Лучше буду тапочки вам подавать, господин! — последнее я чуть ли не выкрикнула в сердцах, и тут же закрыла руками рот.

Потому что за соседней дверью находился кабинет, где почти неотлучно присутствовал камердинер бестиара, Василий. Если, разумеется, не вышел куда-нибудь, но не должен был. Я слышала, как Богдан отдал ему приказ находиться здесь до его возвращения. Стоило мне подумать про камердинера, как раздался его голос:

— ... это приказ кавальера Велимирского!

— У меня тоже приказ Велимирского, молодой человек! Того Велимирского, кто выше вашего по званию. Уйдите с дороги.

Дверь в кабинет распахнулась, и на порог шагнул немолодой лысоватый мужчина. Взгляд маленьких серых глаз прошелся по мне, ноздри втянулись и прилипли к стенкам носа, словно он нюхал что-то невероятно мерзкое.

— Девушка Лозва, — сообщил мне мужчина, после чего тонкие губы сжались в полоску. После снова раскрылись, чтобы он мог продолжить: — Я старший целитель правящего рода Велимирских, и мне приказано вас осмотреть на предмет возможных заболеваний. Вы идете со мной.

Возможных... что? Заболеваний? Краска бросилась на лицо, как голодный пес на кость, у меня вспыхнуло все, даже кончики ушей. Когда я поняла, какие именно заболевания он имеет в виду. Но даже сквозь эти первые эмоции пришло осознание, что я должна выйти из комнаты и пойти с ним.

На территорию Михаила. Туда, где он — бог и верховный. Хотя он везде бог и верховный, но здесь, в комнатах Богдана я хотя бы в безопасности.

Чего он хочет? Проверить, что я не девственница? Ведь вчера явно понял, что ошибся в своих умозаключениях. Проверить, было ли что-то между мной и его племянником. В самом деле ли я теперь принадлежу другому.

«Из покоев выходить запрещаю», — вспомнила слова Богдана и вскинула голову. Вернула мужчине его снисходительный взгляд.

— У меня приказ Богдана Велимирского. Не выходить отсюда до его возвращения.

Целитель прищуривает блеклые глаза, словно не верит в то, что я только что сказала.

— Как я уже сказал, у меня приказ того, кто старше по званию...

— А у меня такого приказа нет, — нахожусь мгновенно. — Вот когда он у меня будет, тогда и поговорим.

Мужчина хватая ртом воздух, словно его вдруг стало мало, потом резко разворачивается на каблуках и вылетает с такой скоростью, словно за ним гонится тот самый голодный пес, у которого он украл кость. Я же резко выдыхаю и шагаю в кабинет. Точнее, на порог кабинета, к Василию. Взгляд у камердинера абсолютно ошарашенный, он смотрит то на меня, то на захлопнувшуюся за целителем дверь.

— Что стоишь? — спрашиваю я. — Возможность связаться с Богданом есть?

— Е-е-сть. Но не артефактная. В город за ним могу послать...

Артефактная связь — самая быстрая. Вряд ли Василий сможет ею воспользоваться, чтобы попросить за меня, она используется на уровне государственных решений и передачи срочных приказов во время разрывов.

Глубоко вздыхаю:

— Тогда пошли. Пошли как можно скорее.

С этой минуты для меня начинается обратный отсчет. Василий закрывает дверь в спальню, спустя какое-то время мне приносят обед, но кусок в горло не лезет. Противный целитель вернется за мной с минуты на минуту: сколько ему там потребуется вдохов и выдохов, чтобы, рискуя навлечь на себя гнев Михаила, явиться к нему за приказом для меня? С каждым таким вдохом эти покои перестают быть убежищем, а я... Я больше не собираюсь быть затравленным олененком!

Решение приходит в голову так внезапно, что сердце в груди ударяется о ребра и делает какой-то сумасшедший кульбит. Я подбегаю к окну, залезаю на подоконник. Осторожно перекидываю ноги вниз. Нет, я не сошла с ума, чтобы прыгать со второго этажа, но по стене густым ковром ползет плющ. Налитые сочные листья, вобравшие в себя цвет изумруда на черном бархате, крепкая лоза. Он меня точно выдержит.

Вцепившись в него я рискую поставить одну ногу в заросли, слышу треск, хруст, но не позволяю страху собой овладеть. Что-то рвется под пальцами, и я быстро, ободрав ладони и кожу руку под задравшимися рукавами, сорвав несколько длинных лент плюща, съезжаю вниз.

Сердце продолжает колотиться, когда я оглядываюсь на дворец.

Повезло, что с этой стороны парковый ансамбль, и плющ оставили как декорацию. Он обрамляет несколько окон, придавая окружающей нас ухоженной роскоши природы абсолютной завершенности. Но любоваться ею мне сейчас некогда, подхватив легкие юбки, я со всех ног бегу по дорожке. Под мостиком шумит небольшой ручей, дышащий прохладой, и, стоит мне пересечь выгнувшуюся спинку моста, я оказываюсь в парке. Здесь столько аллей, что глаза разбегаются, и все, что мне нужно — затеряться в его глубине до возвращения Богдана.

У меня есть его приказ не выходить из покоев, а сейчас, должно быть, уже есть приказ Михаила о том, что я могу выйти. Так что я ничего не нарушаю, ну а то, что мне вздумалось погулять перед осмотром — так этого мне тоже никто не запрещал, верно?

Мне везет: в полуденный зной здесь никого нет, я перебегаю между густыми ухоженными кустарниками, вызывая недовольство пчел и шмелей. К счастью, они слишком увлечены сбором нектара, чтобы меня покусать, а единственной, кто на меня садится за все это время, становится красивая бабочка с ярко-бирюзовыми крыльями и красным узором на них.

Дельфинарка. Их называют так за удивительный, напоминающий о море окрас.

Она улетает, когда поблизости раздается плеск и отчаянный дикий крик. Приподнявшись, выглядываю из своего убежища, и вижу, что в глубоком озере барахтается девочка, а стоящая рядом с ней кричит так отчаянно, что заходится сердце. Если я сейчас выбегу, обнаружу себя, но и медлить тоже нельзя, ребенок так отчаянно колотит по воде руками, что сразу становится понятно: тонет.

Из кустов шиповника, напрямую, я вырываюсь уже основательно поцарапанная и бегу к озеру. Стоящая на берегу девочка замечает меня и кричит:

— Помогите! Маша не умеет плавать!

Но я и так уже с разбегу бросаюсь в воду и, путаясь в становящемся тяжелым платье, плыву к девочке. Быстро вздергиваю наверх, фиксируя плечо и подбородок, чтобы не начала брыкаться, и возвращаюсь назад. Вытаскиваю ее на берег, на траву, и опираюсь ладонями о землю, чтобы отдышаться. Вторая девочка бросается к ней, они обнимаются и рыдают, а я вижу бегущих к нам людей.

Кажется, мой план по собственному спасению только что отправился в Бездну.

Глава 7

Алина

Несмотря на жаркий день я успела замерзнуть, пока мы шли обратно ко дворцу. Если на княжну, упавшую в озеро, сразу набросили шаль, а следом и плед, за которым успели сбегать, то про меня вообще никто не вспомнил. Не то чтобы я жаловалась, я бы предпочла, чтобы меня не заметили совсем, но меня заметили. В любом случае, бегать в мокром платье, липнущем к телу, по дворцовому парку — удовольствие сомнительное, поэтому я старалась не ежиться, пока мы возвращались. Во дворце не ежиться стало сложнее, и, несмотря на то, что я отжала подол, с меня все равно капало. С волос.

— Да принесите ей плед кто-нибудь! — раздраженно крикнул один из слуг, и плед у меня на плечах наконец появился. Я закуталась в него по самую макушку, потому что среди камня и мрамора уже зуб на зуб не попадал от холода.

Или от осознания того, что я сейчас — отличная мишень. Хотя по другому я бы не поступила, даже если бы можно было вернуть время назад и хорошенько подумать.

Голоса вокруг были возбужденными, суетливыми, напуганными. Особенно белой была гувернантка. Та вообще с лица стала даже не бледной, а какой-то зеленой, и шагала, мелко-мелко семеня и кусая губы.

— ... бестиари Катерине уже доложили...

— Девочку согреть бы...

— Верховный бестиар Велимирский потребовал их сначала к себе...

В знакомой уже галерее нас увели направо, и в кабинете Верховного бестиара мы оказались через секретаря. Толстый лысый человек, такой важный, словно он сам был Верховным, кинул на всех снисходительный взгляд и приказал:

— Ждите.

Княжен же увел за собой.

С этого момента, кажется, дышать перестали все. Когда секретарь вернулся, даже не взглянув в нашу сторону, все присутствующие вытянулись по стойке смирно. Словно нерадивые студиясы перед строгим преподавателем. Кроме меня. Напряжение, видимо, дало о себе знать, потому что я подошла к диванчику строгой темно-коричневой обивки с песочными узором и опустилась на него. Секретарь неодобрительно на меня взглянул, но ничего не сказал, а в следующий миг все подпрыгнули.

Потому что из кабинета донесся хлопок, будто кто-то со всей силы ударил ладонью по столу, а следом всхлип. Достаточно громкий, чтобы у присутствующих зашевелились на голове волосы. Не успели все прийти в себя, как к нам влетела высокая темноволосая женщина. Она была затянута в роскошное темно-синее платье с тугим высоким воротником, темные глаза метали молнии.

— Бестиари Екатерина... — начал было секретарь, поднимаясь, но она бросила в его сторону всего лишь один взгляд, и он застыл полусогнутый.

Супруга Михаила пролетела мимо нас, распахнула дверь...

— Я, кажется, тебя не приглашал, Катерина, — раздался раздраженный голос Верховного.

— Это и мои дочери тоже!

— В первую очередь это мои дочери. Которые сейчас учатся от тебя полному пренебрежению всеми правилами этикета.

Катерина вспыхнула. Она не успела закрыть дверь, и с моего места это было отлично видно: кажется, жар побежал даже по аккуратно уложенным в прическу волосам, впитываясь

в корни и распространяясь по всей длине. Бестиари открыла было рот, но тут же его закрыла. Ноздри хищно раздулись, она резко развернулась. На какое-то мгновение мне показалось, что она сейчас хлопнет дверью изо всех сил, но она вышла с расправленными плечами, аккуратно закрыв ее за собой и так же, не удостоив никого взглядом, прошествовала в коридор.

Больше ничего не происходило. Точнее, какое-то время больше ничего не происходило — к добру. Потому что гувернантка готова была вот-вот упасть в обморок, ее обмахивали и успокаивали едва слышным шепотом, перекрываемым скрежетом пера: секретарь что-то писал. Все остальные собравшиеся — слуги, что нашли нас в парке, горничная, которая бегала за пледами, сейчас просто молча переглядывались между собой, явно гадая, ждать ли грозы или пронесет.

Мне полагалось волноваться больше других, но внутри было какое-то странное спокойствие. В пледе я немного согрелась, а в остальном... в остальном понимала, что все сделала правильно.

До той минуты, как дверь в кабинет распахнулась снова, и Михаил пристально на меня посмотрел. Секретарь тут же вскочил, проследив его взгляд, подлетел ко мне.

— Да что ж ты за девка такая деревенская-то. Встань и поклонись немедленно!

Я поднялась. Поклонилась.

А секретарь уже тащил меня за собой в кабинет.

Услышав, как за моей спиной щелкнула собачка замка, я вздрогнула. Подавила желание прижаться к двери спиной и расправила плечи, насколько позволял тяжестью лежавший на них начавший промокать плед. Девочки навтыжку стояли перед столом отца, сцепив руки за спиной. Младшая, Маша, явно мерзла, потому что нос у нее был красный, и она им постоянно хлюпала.

Да что же он за отец-то такой?!

— Повтори, что произошло в парке, — потребовал Верховный, наградив старшую дочь колючим взглядом.

Та опустила глаза.

— Мы играли. Маша решила залезть на перила моста над озером. А она, — девочка посмотрела на меня и мгновенно отвела глаза, — слишком быстро бежала и толкнула ее. Маша упала в воду и чуть не утонула.

Что?

— Мария? — жесткий голос Михаила перебил хлюпанье второй дочери.

— Да, — подтвердила она, кутаясь в плед. — Она бежала и толкнула меня. И я чуть не умерла.

Мне кажется, что мир только что вращался с бешеной скоростью, а сейчас остановился. Так резко, что становится нечем дышать, и, хотя эти девочки мне никто, в голове рождается какая-то совсем детская мысль. Почему они так со мной? За что?

— Все было не так, — говорю я, но это бессмысленно. Хотя бы потому, что взгляд Михаила хлещет словно наотмашь.

— Ты называешь моих дочерей лгуньями? — Кажется, таким голосом запросто можно убить, не прибегая к использованию магии бестиара или рун.

— Это только ваше дело, как вы их назовете. Я не толкала Машу... княжну Марию. Я просто вытащила ее из воды, потому что она тонула.

Верховный смотрит на меня, прищурившись, и в его глазах клубится нечто очень опасное. Хищное. Смертельное.

— Неслыханная дерзость, — произносит он и добавляет: — Или неслыханная глупость. Я пока не могу понять, чего в тебе больше.

Ни того, ни другого, хочется сказать мне. Я просто оказалась не в то время не в том месте, и теперь моя жизнь — ваша собственность.

— Отец, можно идти? — тоненьким голосом интересуется старшая. — Маша может простыть...

— Идите, — коротко командует он, и девочки чуть ли не бегом вылетают из кабинета.

Я снова остаюсь наедине с ним, а Верховный закладывает руки за спину и смотрит на меня в упор. Он вообще любит давить взглядом — не знаю, это мне так повезло, или в принципе всем, но свое запасное оружие, взгляд бестиара, использует постоянно. Я чувствую опасную силу Бездны, смешанную с его, наполненную его яростью.

— Доигралась, Алина? Добегалась? — резко интересуется Михаил, приближается ко мне. — В какой момент, скажи, девочка, ты решила, что сможешь меня обыграть?

— Что?! — выдыхаю я и вдруг понимаю. Девочки оболгали меня, потому что он им приказал. Потому что они его боятся. Потому что — я не знаю, что им тут наобещал, чем запугивал, как он относится к своим родным дочерям — им велено было представить такое вот объяснение. На миг во мне смешиваются чувства, совершенно мне не свойственные — гнев, злость, желание дать этому мужчине пощечину. Я никогда никого не била, мне даже не приходило в голову, что я так могу. Могу просто об этом подумать, но сейчас, видимо, в моих глазах что-то такое отражается слишком ясно, потому что Михаил усмехается:

— Так-так-так, значит, поняла все. Значит, все-таки дерзкая. Но и глупая в том числе. Решила, что можешь прикрыться Богданом, что спрячешься за ним, да? Вот только ты забыла, Алина. Ты по-прежнему принадлежишь мне. Я уже говорил, ты — моя собственность. — Бездны в его глазах становилось все больше и больше, но я по какой-то причине не падала в обморок, как сегодня утром. — А свою собственность я могу взять, когда захочу. Или уничтожить. Раздавить по щелчку пальцев. Как букашку.

На миг перед глазами проносится совершенно невероятная картина, в которой я все-таки бросаюсь на него. Наверное, это было бы последнее, что я сделала в своей жизни, не говоря уже о том, что потом стало бы с моими родными. Именно мысль о них и остановила. Я только посмотрела ему в глаза и произнесла:

— Так раздавите.

Верховный опешил. Или мне показалось? Потому что на миг в его глазах под давящей глубиной Бездны и магии промелькнуло что-то другое. Что, я понять не успела, он шагнул ко мне и прошипел:

— За дочерей шкуру с тебя спущу, Алина. С тебя и со всей твоей семьи. С них начнем. Будешь смотреть, как они умирают. Или, — Бездна в его глазах превратилась в тысячи лезвий, которые резали в кровь, — сама ответишь за все. За свою непокорность. За дерзость. За то, что провела ночь с Богданом. Выбирай.

Какой тут может быть выбор?

— Отвечу сама, — произнесла тихо.

Ноздри Михаила хищно шевельнулись. С каждым мгновением он все больше напоминал мне зверя. Я никогда не видела тварей Бездны, но сейчас мне показалось, что передо мной — одна из них. Только в человеческом облики, которое вот-вот упадет к его ногам, как раскроенная острыми ножницами ткань.

— Снимай свои тряпки, — процедил он. — Все. И иди к столу.

Если бы я раздевалась у себя в комнате, наверное, избавление от мокрой тяжелой ткани мне бы принесло облегчение. Но сейчас кожа покрылась мурашками, стоило мне только выпутаться из рукавов и из лифа. Не говоря уже о том, что, когда оба платья — и нижнее, и верхнее, упали к моим ногам, по телу прошла дрожь.

Я приблизилась к столу, не оборачиваясь. Мне хватало хлестких плетей взгляда, скользящих по обнаженной коже, пока я шла.

— Локти на стол, — последовал очередной приказ.

Я и без того чувствовала себя уязвимой, но, подчинившись, оказалась в совершенно открытой, незащитной, унижительной позе, от которой все внутри сжалось. Я вздрогнула, когда ладонь Верховного легла на мою шею, прошла вдоль позвоночника, надавив на поясницу и заставляя прогнуться еще сильнее. Потом раздался какой-то хруст и следующий приказ:

— Считай удары и после каждого говори: Я — ваша собственность. Пропустишь хоть один, отправлю за твоей семьей. Ты меня поняла?

Ответить я не успела, потому что уже в следующий миг воздух вспорол режущий свист, а поясницу и ягодицы опалила жесткая кожа форменного ремня.

Это было так больно, что я едва удержалась, чтобы не закричать. Больно, а еще обидно: во-первых, папа и мама никогда не поднимали на нас руку, даже когда мы баловались, а во-вторых — потому что я вытащила его дочь из воды. Спасла ей жизнь. И от этого хотелось глупо, по-детски разреваться. Вот только слезами тут не поможешь, поэтому я подавила рвущийся из груди крик и выдохнула:

— Один. Я ваша собственность.

От такого признания просто перекорежило бы, но следующий удар снова опалил кожу болью, выключая все мысли.

— Два. Я ваша собственность.

От третьего показалось, что меня бьют чем-то раскаленным.

— Три. Я ваша собственность. — Голос сорвался, я судорожно втянула воздух и вцепилась зубами в руку на четвертом. Михаил явно не жадничал и бил в полную силу.

— Че... тыре. Я ваша собственность.

От следующего я дернулась всем телом, снова впиваясь в кожу зубами. Не хочу кричать! Не буду! Не доставлю ему такого удовольствия.

— Пять, — выдохнула через сжатые зубы. — Я ваша собственность.

Новый хлесткий удар пришелся по пылающим ягодицам, и я прокусила руку до крови.

— Шесть, — произнесла, чуть не подавившись словом. — Я ваша собственность.

Дальше удары сыпались один за другим, я только успевала считать, и в голове крутилась всего одна мысль: только бы не пропустить, потому что подставить под такое свою семью я не имела права. На этом и держалась, иначе, наверное, уже давно просто кричала бы и билась на этом столе, пытаясь вырваться. А так только рвано считала удары и на тридцатом, когда пряжка ремня звякнула об пол, меня уже просто трясло. Как в ознобе, когда-то в детстве я сильно заболела, у меня был жар, и вот так же меня колотило от него. Сейчас тоже зуб на зуб не попадал, кажется, я прокусила не только руку, но и губы. Несколько раз. Спина, ягодицы, бедра словно горели непроходящим огнем, а когда Михаил рывком дернул меня за волосы, а после швырнул на стол, на спину, я все-таки закричала.

Из глаз брызнули слезы, показалось, что я упала в котел к Низшему.

Ладонь Михаила легла на мою шею раньше, чем я попыталась бы приподняться. В глазах все плыло, но даже сквозь слезы и это полузабытье я видела хищное выражение его лица. Раздражение. Словно его бесил сам факт моего существования, словно он меня ненавидел просто потому, что я посмела ему отказать. Но ведь у него таких как я было море, наверняка, и каждая была готова на все...

— Молчишь? — процедил он, вглядываясь в мое лицо в поисках вообще непонятно чего. — Ничего, Алина. Сейчас будешь кричать. Для меня.

Одна ладонь так и осталась на моей шее, другая скользнула по телу, накрыла грудь, выкручивая сосок до боли. Я дернулась, выгнулась и вскрикнула, сильнее впечатавшись ягодицами в поверхность стола. В глазах Михаила мелькнуло что-то совсем дикое, звериное, первобытное. Ладонь скользнула ниже, между разведенных бедер, пальцы накрыли нежные складки. От этого прикосновения я дернулась с такой же силой, как от предыдущего, судорожно вздохнула.

— Не нравится? — усмехнулся Верховный. — Ничего, понравится, а не понравится — отправлю за твоей семьей. Ты меня слышишь?

Нет, нет, только не это. Пожалуйста, нет...

— Пожалуйста, — выдохнула я, насколько хватило сил и воздуха. — Не надо...

— Пожалуйста? — жестко произнес он. — Пожалуйста надо было говорить вчера вечером, Алина. Стоя передо мной на коленях. Или сегодня, когда я за тобой послал. Сейчас уже поздно. Или ты думала, что можешь безнаказанно отказать мне и раздвинуть ноги перед моим племянником?

Ладонь, затянута в перчатку, грубо двигалась между моих бедер. От боли, слез и нехватки воздуха перед глазами то и дело темнело, я чувствовала, что вот-вот потеряю сознание, и что тогда?

— Весь день над тобой точно стоять не буду, девка, — процедил Верховный. — Или ты сейчас сделаешь то, что я тебе приказал, или увидишь, как все твои получат по сто плетей.

Сделать, что он сказал... как сделать, что он сказал, если от самой мысли о его прикосновениях воротит, а тело словно само все превратилось в огонь? Перчатка задвигалась быстрее, и я зажмурилась.

— Глаза не закрывай. Смотри на меня! — последовало очередное.

Я разомкнула веки, мигом слипшиеся от слез ресницы дрожали, превращая лицо Михаила в какой-то смазанный фон. Это неважно, Алина, это все неважно, главное дать ему то, что он хочет, пусть хоть даже убьет, но отец, брат и сестра — их он не тронет, они ему попросту не нужны. Никогда не были нужны. Сейчас ему нужно твое унижение, нужно...

Я вдруг представила Богдана. Сквозь расплывающиеся слезы сделать это получилось легко. Пусть даже это было гадко, бесстыдно, невыносимо, но это было единственное, что я могла сделать. И тело внезапно откликнулось на грубую ласку самым чувственным образом. Он мог бы ласкать меня так, и мог бы делать это так же грубо. Жестко. Жестоко. Он ведь тоже бестиар...

На этой мысли с губ сорвался рваный вздох. Перчатка внезапно скользнула, едва не сорвавшись, между раскрытых, болезненно натертых лепестков.

— Шлюшка, — Процедил Михаил. — Ты такая же шлюшка, как все остальные. Просто вздумала поиграть в невинность.

Потолок и красивый светильник, сквозь плафоны которого просматривались оплывшие свечи — видимо, их еще не успели заменить, задергался туда-сюда. Голова кружилась, сердце колотилось, как сумасшедшее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.